

**ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПУБЛИКАЦИИ
«Мемуары очевидцев
атомного взрыва»**

**Государственный Мемориальный
Комплекс Мира памяти жертв
атомной бомбардировки Хиросима**

Мемуары очевидцев атомного взрыва

Заглавие	Автор	Возраст на момент атомного взрыва	Номера страниц
Атомная бомба, отнявшая у меня двух дочерей	Макиэ Фудзии	22 года	1
Оказаться на волосок от смерти	Дзиро Симасаки	14 лет	7
Воспоминания о пережитом мною атомном взрыве	Цунэмацу Танака	31 год	15
Думы о матери	Хироко Кавагути	8 лет	23
События того лета, которые хочется забыть, но забыть невозможно	Тиёко Симотакэ	24 года	31
Повезло тебе ...	Тосио Мияти	27 лет	39
Наши мысли о мире - грядущим поколениям	Токио Маэдои	12 лет	47
Незаживающие раны войны	Кёко Фудзиэ	9 лет	55
Я видела ад на земле	Кимико Кувабара	17 лет	65

Атомная бомба, отнявшая у меня двух дочерей

Макиэ Фудзии

● Жизнь нашей семьи до ядерного взрыва

В то время наша семья состояла из четырёх человек: мой супруг Киёси, наша старшая дочь Кадзуко, трёх лет, младшая дочь Киёми, которой только что исполнилось полгода, и я. Мы жили рядом с восточной речной насыпью, в ста метрах от моста Ёкогава первого квартала улицы Ёкогавы.

Я отчетливо помню, как еще до ядерного взрыва, в течение нескольких дней, заслышав вой сирены воздушной тревоги, хватала за руки детей и бежала прятаться в вырытую в подполье дома нору.

● События в день атомного удара

Утром 6-го августа муж ещё был дома, так как на работе дали выходной, чтобы в тот день идти по повестке на сбор. Воздушная тревога закончилась, и мы с детьми играли в прятки на втором этаже.

Вдруг в окно внезапно ворвался раскалённый пламенный шар! В тот же момент мы с детьми стали куда-то падать, как будто что-то засасывало нас на самое дно земли.

Откуда-то снизу меня звала старшая дочь: «Мама, я здесь! Мама, я здесь!». «Кадзуко, потерпи, мама сейчас придёт и поможет тебе! Держись!», – крикнула я ей, но сама была настолько завалена кусками разрушенных стен и месивом всяких домашних вещей, что не могла пошевеливать даже шеей.

Немного погодя, откуда-то сверху я услышала голос мужа. Он звал меня: «Макиэ, ты где? Ты где!?!». Он ходил и искал меня повсюду. Через некоторое время я начала ощущать, что становится жарко. Сверху снова донёсся голос обессиленного мужа: «И пожар уже начался, сколько ни искал, а всё бестолку! Простите меня и не ждите больше ...».

Я слабо прокричала ему: «Здесь! Папа, мы здесь!». Но он, видимо, так и не услышал и не понял, где мы находимся. Засыпанная обломками, с младшей дочерью на руках, услышав последние слова мужа: «...и не ждите больше ...», я из последних сил прижала к себе дочь. В тот момент в припадке ужаса я и не заметила, что случайно зажала ребёнку рот и нос. Девочка не могла дышать, стала биться, корчиться, резко вырвалась с криком: «Аааа!!!», – и заплакала. Этот крик как будто привел меня в чувство, и я отчаянно закричала: «Ребёнок умирает!!!». Видимо, он услышал меня, вернулся и радостно изо всех сил начал снова искать нас, всё время повторяя: «Где вы?! Где вы?!». Он

раскопал маленькую дыру, вытащил сначала меня, а потом помог выбраться и нашей младшей дочке. У меня так кружилась голова, что я не могла даже стоять, видимо, чем-то сильно ударилась. А вокруг уже всё пылало, пожар подступал всё ближе и ближе.

Мы из последних сил начали уходить. Немного придя в себя, я поняла, что с нами нет старшей дочери. «Папа, а Кадзуко, а Кадзуко где ???!» «Кадзуко больше нет. Она уже не двигалась, когда я ее нашел. Прости меня ...», – лишь ответил он.

Я шла с разрывающимся от горя сердцем, продолжая в душе просить прощения у дочери: «Кадзуко, девочка моя, извини меня, прости меня, прости ...». В одной руке держа младшую дочь, а другой рукой поддерживая меня, муж неотступно уводил нас от опасного места, постоянно повторяя: «Держитесь, держитесь, давайте, постарайтесь же, ну ещё постарайтесь!», – тем самым придавая нам сил. В глазах у меня рябило, сил оставалось только на то, чтобы не отставая плестись за мужем. Дом наш со всех сторон был охвачен огнём. Думаю, что он в конце концов сгорел дотла.

Муж продолжал вести нас, обеими руками прижимая к себе меня и дочь. Немного пройдя, отдышал, снова шёл и снова отдышал. Вдруг у нас на пути появилась женщина с растрёпанными волосами, упала перед ним на колени, схватила его за ноги и начала молить: «Помогите, пожалуйста! Я не могу вытащить свою дочь, её придавило столбом. Помогите, пожалуйста!». «Я очень хочу вам помочь, но моя жена и дочь в таком состоянии, вы же видите, поэтому простите, но я не могу», – ответил он ей. Она вскочила и побежала искать помощи дальше. Мы продолжали идти с короткими передышками и только к вечеру добрались до соседней улицы Синдзё, до дома знакомого моего мужа.

● В доме на Синдзё

В доме на Синдзё мы пробыли около трёх дней. От нервного шока у меня пропало молоко. Ноги были повреждены, я не могла вставать и лежала, и мужу приходилось искать молоко для ребёнка.

Меня угнетала мысль, что старшая дочь, оставшаяся под обломками дома, может быть ещё жива. Стоило мне только подумать о том, что я оставила её там, ожидавшую помощи, а сама спаслась, как все внутри меня

переворачивалось, и я начинала плакать, и плакала, и не могла остановиться.

На протяжении всего времени, пока я была в доме на Синдзё, перед моими глазами всё шли и шли, ползли, еле передвигая ногами, колонны обожжённых людей. Смотреть на это было просто невыносимо, слёзы лились сами собой без остановки. Я так устала, что просто закрыла глаза, чтобы ничего этого больше не видеть.

● В Ямагути, в родной дом !

Прошло примерно три дня, и снова пустили междугородный поезд. Мы решили ехать в мой родительский дом в префектуру Ямагути, город Когуси. С мужем и младшей дочерью мы отправились на вокзал Ёокогава и сели в переполненный поезд. Еле–еле добрались до города, а потом всё шли и шли до дома пешком. Встречавшиеся по пути люди, удивлённые нашим жалким видом, спрашивали нас: «Да что же случилось?! Что же произошло?!». Ком подступал к горлу, голос просто пропал, только слёзы лились и лились, и я не могла ничего ответить. В конце концов мы добрались до дома.

С того вечера для меня начались бессонные ночи. Я не могла простить себе, что сама спаслась, а старшую дочь бросила там. Все боялись, что в конечном итоге я наложу на себя руки, и мать с сестрой даже ночью были рядом, спали с обеих сторон от меня. По ночам, тихонько выбравшись из дома, я, рыдая, просила прощения у дочери: «Прости меня, прости меня, прости такую негодную мать!!!»,-- и так каждый день. Оставив меня на попечение родных, муж отправился в Хиросиму на поиски останков нашей дочери.

Молоко у меня так и не появилось. Моей матери приходилось обходить все дома с грудными младенцами и просить хоть по чуть–чуть. «С ногами у тебя плохо, лежачая ты, и ребёночек ещё маленький совсем, поэтому оставайся-ка ты у меня. Выздоровеешь, наберёшься сил, вот тогда и поедешь», – сказала мне мать. Я пробыла в родном доме ещё почти год. Ну а ноги мои, конечно, так до сих пор болят.

● Смерть младшей дочери

Прошёл почти год после того, как мы уехали в Ямагути. Мы решили вернуться в Хиросиму. Недалеко от места нашего бывшего дома сняли домик и стали жить.

Муж всегда брал дочку с собой в городскую баню. Однажды какой-то мужчина сказал ему: «Мне кажется, что спинка у Вашей девочки немного припухшая». Мы подумали, что, скорее всего, она просто где-то ударилась во время атомной бомбардировки, и повели в больницу. После обследования оказалось, что четыре позвонка поражены и начали гнить. Я отправила её на лечение в город Ямагути к своей родне. Прошло несколько лет. Она стала называть нас с мужем папой и мамой. Мы так скучали по дочери, что уже не смогли оставлять её там, забрали в Хиросиму и положили в больницу. На лечение уходили все деньги. Нам потом даже пришлось просить поддержки у моей матери. Но, в конце концов, денег совсем не стало хватать, и нам пришлось забрать её из больницы домой. В 1952-м году она умерла.

● **Думы о Мире**

Не хочу, чтобы снова повторилась война. Хочу, чтобы люди всего мира протянули друг другу руку дружбы. Я думаю, насколько было бы можно стать счастливее, если каждый день помнить и заботиться о людях, желая им счастья !

Оказаться на волосок от смерти

Дзиро Симасаки

Оказаться на волосок от смерти

● События 6 –го августа

В то утро я с пересадками добирался на работу: из города Сайдзё на пригородном поезде, потом на городском трамвае до улицы Южный Каннон, где находился завод тяжёлой индустрии Мицубиси. Я, как и другие школьники, был мобилизован туда на работу. В семье моей было пятеро детей: старший брат, две старшие сестры, младшая сестрёнка и я. Старший брат тогда уже ушёл в армию, на остров Кюсю.

Я учился во 2-й префектурной школе г. Хиросимы. Занятия в средней школе были приостановлены, и нас перекидывали с одного завода на другой. На завод Мицубиси в Канноне я попал только к концу 1944-го года.

Атомный взрыв грянул 6-го августа утром, когда я и ещё четверо– пятеро моих школьных друзей–мобилизантов ехали на завод. В тот момент мы находились в районе спортивного поля на улице Южный Каннон, где-то в 4-х километрах от эпицентра взрыва. Я с ужасом вспоминаю тот момент, когда я чудом остался в живых. Ведь если бы я поехал на трамвае, который шел следом, то оказался бы на мосту Яёи, прямо в эпицентре. Меня до сих пор не покидает ощущение того, что я был на волосок от смерти.

В момент атомного взрыва за моей спиной внезапно возник яркий шквал света. Помню, что шее стало горячо. Сильной взрывной волной меня подкинуло, перевернуло, и я потерял сознание. Так я пролежал без чувств, наверное, минут пять. Когда открыл глаза и огляделся вокруг себя, то увидел, что от здания завода остался только голый железный каркас без крыши, хотя завод был в 4-х километрах от эпицентра!

«Да что же, в конце концов, произошло?! Наверное, это бомбардировщик В-29 сбросил бомбу на наш завод!», – говорили одни мои друзья. «Да нет, это скорее всего взорвался газгольдер на улице Минами!», – спорили с ними другие. «Воздушная тревога должна была быть отменена», – подумал я. До восьми утра её один раз объявляли, потом перешли на предупреждение, а в 8:05 отменили, мы даже слышали сирену отмены, и до 8:15-ти воздушную тревогу не объявляли.

Город горел. Позже было объявление по радио: «Так как сегодня весь центр города охвачен пожаром, просим всех приезжих вернуться к себе домой».

Ничего не оставалось делать, как под чёрным дождём потихоньку пешком продвигаться на восток. Пройдя улицу Эба, потом Ёсидзима, я дошёл до улицы Сэнда и через мост Миюки направился дальше, в сторону горы Хидзи. Пока я шёл по мосту, сплошь заваленному окровавленными людьми, меня то и дело хватало за ноги. «Воды дайте! Дайте воды!», – стонали раненые. Я никак не мог понять, где они так искалечились. Тогда я ещё не знал и даже не мог себе представить, отчего так много раненых и обожжённых людей. «Браток! Воды дай, воды дай! Мне так больно... и горло...», – тянули меня отовсюду. Я был просто в ужасе. К моему счастью, я обошёлся без особых телесных повреждений, но видя у себя перед глазами такое количество покалеченных людей, я шёл как оглушенный, вяло передвигая ногами.

В моей памяти остался солдат, которого я встретил у подножья горы Хидзи. Тело его было кровавого цвета, кожа полностью сошла с него, но он ещё дышал и стоял на ногах. Это было ужасное зрелище. Увидев меня, он показал рукой на труп, и попросил: « Вот это ... надо положить на тележку ... я отвезу... браток, со стороны ног возьми, помоги, пожалуйста». Мне было так страшно, что я не смог. Видимо потому, что гора Хидзи была всё-таки сравнительно далеко от эпицентра взрыва, большинство людей в районе её подножья не сильно пострадали, и изо всех сил помогали солдатам переносить тела умерших. А тот солдат, я думаю, прожил еще несколько дней и умер.

Даже не припомню когда, но где-то уже поздней ночью, я кое-как добрался до станции Каита. Я слышал, что ночью, возможно, пустят один рейс до Сайдзё, и прождал поезд, наверное, больше часа. Наконец, мне удалось в него втиснуться и доехать до Сайдзё. На станции была такая кромешная тьма, что невозможно было разобрать, кто кого пришёл встречать. Это было ещё время ограниченного использования электроэнергии, то время, когда не разрешалось включать свет когда угодно. Со всех сторон доносились голоса: « Какая беда! Какая беда случилась ! », но кто и за кем пришёл – разобрать в темноте было совершенно невозможно.

● **События, произошедшие после 7-го августа**

В день ядерной бомбардировки дядя мой был на работе около горы Хидзи, в г.Хиросима, и оказался в районе атомного взрыва. Узнав, что его забрали в лагерь для раненых, утром 7-го числа, как только рассвело, мы с тётёй

отправились на его поиски в Хиросиму. Я смутно помню, как мы с ней попали в город: на грузовике, или, может быть, добрались пешком. Решил я с ней поехать и помочь только потому, что к тому времени уже три года проучился в средней школе Хиросимы и хорошо ориентировался в городе.

Мы нашли дядю в лагере для раненых на Удзине. Смутно помню, что лагерь был размещён на каком то складе, неподалёку от порта Удзина. Один солдат ходил и осматривал лежащих раненых, а трупы выносил и складывал в коридоре. «Ааа, этот человек... уже не дышит ... давайте вынесем его ...». Тут он увидел меня и попросил: «Человек умер, помогите немного, возьмите со стороны головы, пожалуйста!». От страха я даже не смог сдвинуться с места, чтобы ему помочь. Он позвал ещё пару человек на подмогу, и они тех, кто уже не дышал, выносили в коридор. Там был и обгорелый до черноты труп девушки лет 20–ти, её так совершенно голую и положили.

Из Хиросимы мы привезли дядю в Сайдзё, но через три дня, 10–го числа, он скончался. Мы сожгли его в крематории вблизи от дома. Я тоже помогал. Тётя моя умерла совсем недавно, два года назад. Получается, что вместе с дядей она прожила всего девять лет.

● Жизнь после атомной бомбардировки

В моей средней школе восстановили занятия, не помню точно, но где–то в конце октября или в начале ноября. В Канноне на месте старой школы сколотили барак, в котором проводились школьные занятия. Снег залетал в щели, отопления не было. Помню, как я на уроках дрожал от холода. Не было даже стёкол в окнах. А до того, как школу восстановили, чтобы продолжить занятия, мы скитались по разным школам: сначала снимали помещение в школе для девочек в Каите, потом в другой, не разрушенной взрывом начальной школе.

Я собирался продолжить обучение. Для этого мне было необходимо пройти все занятия и получить зачёт. Поэтому, хотя было холодно, я терпел и старательно ходил на уроки. Даже в таком бараке учиться для меня было просто счастьем. В 1947 г. я окончил пятилетнюю среднюю школу и сразу поступил в Хиросимское Техническое Училище на улице Сэнда.

К тому времени, как я окончил его, где–то в середине пятидесятых годов, автомобили постепенно завоевали весь мир, и я решил сам открыть

водительские курсы. Мы с другом взяли за лопаты и начали делать дороги для тренировок по вождению. Применяв все свои навыки, полученные в Техническом Училище, я сдал теорию и практику вождения и получил специальность «инструктор». В 1960-м году меня приняли на должность старшего преподавателя на городские водительские курсы. В 1966-м году я оттуда ушёл, и по просьбе старшего брата, который содержал свой дом престарелых, перешёл к нему и стал помогать в его деле. Он был председателем медицинского общества, и я восхищался им. Полагаясь только друг на друга, мы вели наше дело, но однажды у него лопнул сосуд в головном мозге, и мой брат скончался. Мне было так жалко его, что три дня и три ночи подряд я не мог ни есть, ни спать. Куда бы ему ни приходилось ехать осматривать наши учреждения – на остров Миядзиму или в город Юки – пусть даже на большие расстояния, я везде сопровождал его и был бессменным водителем директора нашей больницы – моего брата. Я чувствовал это своей миссией, что я должен возить его, поддерживать его всегда и везде. Он любил науки, а я любил спорт, но по жизни мы прошли с ним рука об руку, и так жалко, правда, так жалко что его не стало !

● О работе, женитьбе и болезнях

Я женился. Скоро у нас с женой будет золотая свадьба. Но в то время, когда мы с ней познакомились и собирались пожениться, мне не очень хотелось заострять внимание на том, что я относился к числу пострадавших от атомного взрыва, потому что к тому времени уже очень хорошо ощутил на себе все «прелести» холодного отношения к пострадавшим от ядерного взрыва и узнал, что такое дискриминация облучённых. Чтобы потом не возникало вопросов, я ей сказал сразу и открыто: « Да, я пострадавший. Я попал под атомную бомбардировку, но я работал на заводе Мицубиси, на окраине Южного Каннона, отдалённого почти на пять километров от взрыва, и остался невредимым». К моему удивлению, будущая жена не обратила на это особого внимания. Наш сын – фармацевт. Он образованный и хорошо понимает, что сам является представителем второго поколения пострадавшего от атомной бомбы. Когда он и его сестричка только родились, я и сам очень переживал и всё время продолжал проверять: нет ли каких-нибудь отклонений. Последствия облучения дали о себе знать и принесли мне неприятности

только через 10 лет после ядерного взрыва. Проявились они в виде шишки на задней стороне шеи. Опухоль оказалась не злокачественной. Она была большая и образовалась на том месте, которое попало под облучение, когда шквал света обрушился на меня сзади. Мне сделали операцию и вырезали эту шишку, но через 10 лет она выросла снова. Мне сделали повторную операцию. После этого она уже больше не появлялась. Из-за полученного облучения, как я предполагаю, у меня сильно испортились зубы. По сравнению с другими людьми, они у меня очень быстро стали слабыми и больными. Последствия облучения проявляются у всех людей по-разному. У многих полностью выпали волосы. У меня волосы не выпали. Но то, что присуще всем пострадавшим от ядерного взрыва, присуще и мне – это быстрая утомляемость. Когда я устроился на работу, то заметил, что выполняя такую же работу, как и другие, не справляюсь, сразу устаю. Мой начальник даже начал подозревать, что я отлыниваю от работы. «Такую норму выполняют все, и никто ещё не уставал, а ты мне хочешь сказать, что от такой же нормы уже устал ?? Ты просто отлыниваешь!! », – ругал меня он. Да, постоянное чувство усталости – это совсем не выгодно для рабочего.

● Думы о мире

Думаю, что рассказывая молодому поколению о том, что такое атомная бомба, что такое мир, рассказчику необходимо проявить максимум творчества в изложении произошедшего. В момент атомного взрыва мгновенно разрушились дома и мгновенно погибли люди. Для того, чтобы донести это до слушателя так, как будто он сам побывал там и видел всё, и необходимо творчество в изложении. Думаю, что если рассказывать просто, например, как: « Было ужасно, было ужасно» ,– или как: « Просили воды, а я не дал. Это так и осталось у меня в сердце. Я видел, как огонь подступает к мосту, и убежал, спасаясь», – то слушателю в душу не западёт ни одного слова. Или же: «В парке Мира есть документальный музей. Пойдите и посмотрите. Ещё там есть дерево Мира», – таким повествованием невозможно передать всю лютую жестокость атомной бомбардировки. А может быть даже, прослушав такой простой рассказ, слушатель подумает, что ничего особенного в атомной бомбе и нет! Недавно на Хоккайдо прошёл смерч, принёсший смерть многим людям. Просматривая видеозапись, я был шокирован тем, насколько это было

похоже на происходящее в момент атомного взрыва. Это была впечатляющая видеозапись, несущая в себе все оттенки той действительности. Этой записью можно было бы понятно объяснить всё даже маленькому ребёнку. Ядерный взрыв точно так же мгновенно всё разрушил, воспламенил и убил 200 000 человек. Стихийное бедствие нашего времени помогло бы всем понять весь ужас той ядерной бомбардировки.

После сброса атомной бомбы на съёмки трагической действительности в Хиросиму прибыли фотографы ведущих газет Японии «Майнити Симбун» и «Асахи Симбун», но даже они, неоднократно побывавшие на боевых фронтах, утверждают, что такого ужаса, как после атомной бомбардировки Хиросимы, они не видели нигде. Что же сделать для того, чтобы донести до людей весь страх произошедшего? Я думаю, что для этого всё-таки необходимо прилагать творческие усилия в подготовке рассказа повествующего человека.

Напоследок хочу добавить ещё вот что: так как я числился в списке учащихся Второй средней школы, после атомного взрыва потерял очень много знакомых младшеклассников, и в последнее время продолжаю терять и своих одноклассников. Был один единственный брат, но и он тоже скончался. У меня было такое чувство, что я остался совсем один. Сейчас я уже лежащий больной, за мной ухаживает моя жена. Я хочу прожить ещё хотя бы года два, и хотя бы один раз в неделю, или в две недели, хочу видеть маленьких детей или первоклашек и рассказывать им от всего сердца о том, что было, до моих последних дней. И если это действительно получится, для меня это будет самым великим счастьем !

**Воспоминания о пережитом
мною атомном взрыве**

Цунэмацу Танака

● **Наша жизнь в то время**

Я работал на улице Комати, в фирме «Распределение электричества района Тюгоку», (в настоящее время это акционерная компания «Электроэнергия района Тюгоку»), в Хиросиме. Устроился я на эту работу ещё в феврале 1934-го года, когда сразу после окончания средней школы в городе Ономити я благополучно получил водительские права. Думаю, что было мне тогда где-то лет 20 или 21. На протяжении всего времени, пока я работал в «Электроэнергии», меня два раза призывали в армию: с сентября 1937 года по январь 1941 года и с сентября 1942 года по ноябрь 1943 года. Так я и работал: то призывался, то снова возвращался на работу. На момент взрыва мне исполнился 31 год, и мы вместе с женой и двумя детьми (сыну было 3 года, дочери 7 месяцев) жили в арендованном доме на улице Отэ.

В конце марта 1945 года на соседний городок Курэ посыпались безжалостные бомбовые удары. Я сам видел, как туда летело, как туча стрекоз, множество самолётов палубной авиации. Как только начинался очередной воздушный налёт, мы всей семьёй кидались прятаться в нору в подполье, вырытую, видимо, ещё прежними жильцами. За детьми было трудно уследить: они, не понимая грозящей опасности, постоянно выбегали на улицу. По несколько раз в день нам с женой приходилось их ловить и загонять в наше бомбоубежище. В конце концов, я решил, что так больше продолжаться не может, и все домашние вещи перенёс на склад своей фирмы, а жену с двумя детьми, в чём были, отправил в её родной дом, в деревню Вада уезда Футами, на улице Мукоэта (сейчас это город Миёси, ул. Мукоэта).

Я остался один, переселился на склад и жил у себя на работе. В начале мая на субботу и воскресенье я поехал навестить их, а когда вернулся обратно, обнаружил, что склад, в котором я жил, разбомбили, и все наши пожитки сгорели дотла. Не осталось даже вещей на смену, и мне пришлось снова ехать в деревню Вада, чтобы мне сшили лёгкое летнее кимоно, рубашку, штаны. В понедельник рано утром на первом же поезде я отправился обратно в Хиросиму, на работу. Так как жить мне было негде, один из моих сотрудников посоветовал мне снять на время дом на улице Усита. Там я и прожил вплоть до дня ядерной атаки.

● События нескольких дней до и после ядерного взрыва

В то время действовал приказ об организации ночного патруля. Если ночью объявляли сигнал воздушной тревоги, то по распоряжению муниципалитета нужно было переодеться в униформу и идти патрулировать район. Военные в запасе разделялись на группы и тоже принимали участие. Пятого августа, ночью, объявили сигнал воздушной тревоги, и я отправился в патруль на порученный мне участок, мост Янаги. На следующий день после дежурства на работу разрешалось выходить на 30 минут позже, но так как мне об этом никто не сказал, в 8 часов утра я уже был на работе. В итоге получилось, что именно это меня и спасло.

До начала работы у меня оставалось ещё полчаса, и я спустился в подвал, в банное отделение для сотрудников, чтобы постирать униформу после ночного дежурства. Тогда это и случилось. Я стирал, наклонившись. Внезапно спереди нахлынула воздушная волна, подхватила и откинула меня. Я сильно ударился о заднюю стену и потерял сознание. Кроме того, что передо мной что-то сверкнуло, я ничего не помнил. Когда я пришёл в себя, вокруг было темно от огромного количества пыли. Тут я заметил, что на четвёртом или пятом этаже начался пожар. Я повторял себе, что мне нужно идти туда и помогать тушить, и это привело меня в чувство. Из-за пыли я не видел ничего, даже на шаг от себя, и двигался наощупь. Помня о том, что где-то здесь должны были быть ступеньки, я медленно продвигался вперед, снова и снова на что-то натываясь. Кое-как я выбрался к сторожевой будке, которая находилась недалеко от здания фирмы. Оттуда были видны трамвайные пути. Выйдя на них я увидел, что один трамвай завалился на бок, подмяв под себя жилой домик. «Какой ужас!, – подумал я. – Куда бежать, у кого спросить, если вокруг ни души?».

На случай непредвиденных обстоятельств, для места общего сбора фирме выделили спортплощадку, принадлежащую соседней средней школе, с южной стороны, но я этого не знал и по трамвайной улице пошёл в северном направлении, перед храмом Сираками свернул направо и по улице Такея двинулся на восток. По пути, под разрушенным ударной волной школьным забором (1-я префектурная женская школа Хиросимы), я увидел придавленную до шеи женщину. Я так и не смог определить ее возраст: была ли это молодая девушка или пожилая женщина. Она просила о помощи, но в тот момент я и

сам истекал кровью, в спине застряли куски стекла, я был как пропитанная кровью промокашка, и сил у меня оставалось только на то, чтобы продолжать идти.

Потом вдоль реки Такея я направился на юг, к мосту Миюки. Это была маленькая речушка, которой не было даже на карте. Она протекала в подземелье под магазином Фукуя. Удивительно, но на всём своём пути я не увидел таких же, как я, спасающихся бегством людей, только смутно припоминаю, что в доме по ту стороны речушки кто-то занимался уборкой и приговаривал: « Боже , горе-то какое !». Который был час, не помню, но скорее всего времени прошло немало.

Перед мостом Миюки меня нагнал военный грузовик. На этом грузовике я доехал до порта Удзина, а оттуда – на пароме до острова Нисима. Там я встретил множество израненных людей. Это было ужасное зрелище. Военные санитары только перебинтовали меня, а вытаскивать куски стекла, застрявшие у меня в спине, конечно, не стали. В лагере встречались люди, совершенно потерявшие рассудок; плачущие, голосащие, ругающиеся люди; люди, бегающие ночью между спящими, и те, кто на них кричал. Это был какой-то кошмар, я не мог сомкнуть глаз. Шестого августа я ничего не ел, а седьмого числа утром я поел жидкой рисовой каши, которую выдавали в бамбуковых коробочках, и закусил ее солёной сливой. За всё время, проведенное мной на острове Нисима, это была вся моя еда.

Я подумал, что если так будет продолжаться, я просто протяну ноги и попросил солдат, чтобы меня отправили обратно. Седьмого августа утром я вернулся в порт Удзина на пароме. К моему счастью, там как раз стоял грузовик. « Вы куда едете ?!», – спросил я у сидящего в нём офицера. «До муниципалитета», – ответил мне он. «Подвезите меня, пожалуйста », – попросил я. «Давай, садись! », – он посадил меня и подвёз к центральному входу муниципалитета. Компания, в которой я работал, находилась чуть севернее этого здания. Я поблагодарил водителя грузовика и дальше пошёл пешком. В приёмной фирмы (в остатках от приёмной) я встретил двух своих знакомых, которые работали секретарями. Я доложил им, что уезжаю в Миёси, к родителям жены, и сообщил адрес. Потом, пройдя через улицы Камиятё и Хаттёбори, дошёл пешком до Уситатё, где жил раньше, и остался там на ночь. На следующее утро, 8 августа, я сразу отправился на станцию Хесака, сел в междугородный

поезд и поехал к жене и детям в деревню Вада. Я очень спешил, потому что не хотел терять ни единого часа, думал о том, чтобы быстрее вернуться к ним, потому что жена очень переживает. Что происходило вокруг меня, когда я шёл до станции, я точно не помню, но то, что у моста Кохейбаси всё было завалено трупами людей, в моей памяти отпечталось отчётливо.

● **События после ядерного взрыва**

Так, с осколками в спине, я и прибыл в деревню Вада. Каждый день мы с женой ходили на реку, и она мыла мне спину. Кровь засохла на спине и выглядела как чёрная смола. Жена отковыривала её толстой иглой, и было видно, как вместе с чёрной засохшей кровью отходят и присохшие к ней осколки стекла. Так она водила меня на реку и отскребала сгустки присохшей крови ещё дней семь или десять, точно не помню. Мы думали, что вытащили все стёкла, но оказалось, что не все. Где-то в середине 1950-х годов спина начала нагнаиваться. Мы обратились в хирургическую больницу в городке Сакаи. Там меня прооперировали и удалили последние осколки. Да, ещё я совсем забыл рассказать, что было уже после того, как меня прооперировали и я пошёл на поправку.

Однажды вдруг неожиданно приехал мой отец из соседнего города Ономити. Мы ему так и не сообщили, что я вернулся, а он даже и не предполагал, что я остался в живых, и начал сразу советоваться о том, где лучше проводить мои похороны! Как только он узнал, что я жив и здоров, то одновременно со всплеском радости у него было такое безумное удивление, что он так и сел на веранде. Потом он попил чаю и уехал к себе в Ономити.

В деревне Вада я чувствовал себя неплохо, никаких отклонений во внутренних органах не ощущал. Через 3 недели, где-то в конце августа или в начале сентября, я вернулся в Хиросиму и приступил к работе.

Шло время, я спокойно работал. Стали зреть и опадать с деревьев каштаны. Была где-то вторая половина сентября. Вдруг у меня началось кровотечение снизу. Ничего не оставалось делать, как уехать к родителям в Ономити на поправку здоровья. Из попы шла кровь, и родные мои, и сам врач тоже, думали, что у меня дизентерия. Они даже собирались меня изолировать! А моя сестра сварила мне рис с каштанами, покормила меня, и всё как рукой сняло. Просто как чудо какое-то, но я-то верю, что именно это и помогло.

Дома в Ономити меня хорошо кормили. За четыре–пять дней я поправился, набрался сил и вернулся в Хиросиму на работу.

● **Жизнь после войны**

После восстановления на работу оказалось, что не только я, но и многие другие сотрудники остались без жилья, и нас всех вместе поселили на пятом этаже фирмы. Сначала мы сами себе готовили еду, а позже компания наняла для нас повара.

Я умел водить машину, поэтому меня направили в «отделение материалов» общего отдела и поручили развозить на грузовике необходимые материалы по электростанциям, находящимся в разных городах префектуры.

В 1946–м году вернулась моя семья, и мы стали жить вместе. Один мой приятель, который работал со мной на одной фирме, каждый день покупал и приносил доски, и на улице Эномати выстроил для нас дом. Мы там прожили 30 лет.

Конечно, на нашу долю выпало много бед и невзгод, но недостатка пищи мы не испытывали, так как родители жены всегда помогали нам, присылая свой рис. Что же касается всего остального – одежда, матрацы, одеяла – конечно, ничего не осталось, всё сгорело на складе, куда я их перенёс. Приходилось туго: юката (летнее кимоно) перешивали на нижнее бельё, одеяла и матрацы просили у моих родителей из Ономити. Так, опираясь на поддержку родных и близких, мы и начали новую жизнь.

● **О здоровье**

В июле 1947–го года у нас родилась вторая дочь. Я, конечно, очень переживал, не отразятся ли последствия облучения на здоровье моих детей. Когда дочка ходила в садик, иногда у нее случалось и долго не останавливалось кровотечение из носа. Я тогда со страхом думал, что это влияние атомной бомбы.

То, что касается меня самого, то в 1956–м году у меня появилось что–то в виде опухоли, потом она перешла в туберкулез, лейкоциты резко упали до 2000 единиц, а потом были дни, когда они понижались и до 1000. Я похудел на 8 килограммов, хотя до этого мой вес был 65 килограммов. Меня должны были положить в больницу 7–го июля, как раз в день Праздника звёзд Танабата

(праздник звезды Вега (Ткачиха), когда она подходит близко к Млечному пути и встречается со звездой-мужчиной). Перед выходом утром за завтраком дочь (второклассница) сказала мне: «Сегодня встретятся две звезды, да, папа? А мы расстанемся ...», – и все горько заплакали. Начиная с июля 1956–го года и до сентября 1957–го, на протяжении одного года и трёх месяцев, я лежал в больнице в городке Хацукайти и два года не ходил на работу.

Я выздоровел, и после этого тяжёлых болезней не было. Только где–то десять с лишним лет назад снова началось кровотечение. Меня клали в больницу Ниссэки, и делали уколы, пока его не остановили. Четыре года назад я перенёс операцию по удалению раковой опухоли простаты. Меня дали статус «пострадавшего от ядерной бомбы», и выдали специальную книжку – удостоверение.

● **То, о чём я думаю сейчас**

Мне скоро исполнится 94 года, и я просто неизмеримо благодарен тому, что прожил до сего времени. Думаю, что это всё благодаря жене. И детям. Они тоже заботятся обо мне. Благодарность, только лишь благодарность!

Думы о матери

Хироко Кавагути

● События до 6 –го августа

В то время я жил на улице Ками Тэнма. Семья наша состояла из четырёх человек: мать, старший брат, старшая сестра и я. Мой отец, Омоя Тосио, в 1938 году погиб на войне в Китае. Тогда я была ещё маленькая, и лицо отца помню только по фотографии. Дома висел его портрет, и, как мне потом рассказывала мать, глядя на него, я говорила: « Я знаю, почему папа не приходит к нам из этой фотографии. Потому что я не отнесла ему обувь ! ».

Моя мать, Сидзуко, воспитала нас одна. Образованию она придавала очень большое значение, и даже во время войны заставляла нас ходить на балет и на курсы чистописания иероглифов, а когда брат готовился к вступительным экзаменам в среднюю школу, выходила в стадневный обход церквей – каждое утро в течение 100 дней ходила в церковь и молилась за его поступление. Муж умер, и она говорила о нас: «Что я могу им дать, что я могу им оставить? Только образование !»

Для этого она с утра и до вечера работала на нескольких работах. По утрам она разносила газеты, старшие брат с сестрой помогали ей, и я помню, что хотя была сама совсем маленькая, тоже семенила за ними.

Мать была постоянно занята работой, но семья дяди с той же улицы и дедушкина семья с соседней улицы Хиросэ Мотомати, жившие рядом, и наши соседи, которые относились к нам как к родным, помогали ей как могли.

В то время во многих народных (государственных) школах проводили коллективную эвакуацию учеников и эвакуацию к родственникам по деревням. Я тогда училась в третьем классе Младшей народной школы Тэнма, а моя старшая сестра, Сумиэ, в шестом. Нас вместе эвакуировали в посёлок Юки и поселили в церковном храме. Конечно, мать и старший брат Тосиюки каждую неделю приезжали навещать нас, привозили нам картошку, но нам, совсем маленьким, всё равно было трудно переносить разлуку с семьёй. Мать, наконец, решилась : «Если уж суждено умереть, так лучше уж умирать всем вместе !». Я тоже начала проситься : «Всё, уже больше не могу! Хочу домой !», – и мы все вместе вернулись домой, на улицу Ками Тэнма. Как сейчас подумаю, что если бы мы остались там, на месте эвакуации, то мама с братом так бы и приезжали к нам, и, может быть, все бы остались живы.

● События 6-го августа

В тот день, 6-го августа, в школе у меня был выходной, и я с подружкой гуляла недалеко от дома. Я увидела, как в небе появился и оставил за собой белый след бомбардировщик В-29, и сразу закрыла обеими руками глаза и уши. Тогда нас так тренировали: если начинается бомбёжка, сразу закрывать глаза и уши. Думаю, что это получилось у меня совершенно машинально. Так как глаза были закрыты, я даже не увидела вспышки.

К моему счастью, в тот момент я оказалась под краем крыши, и стена укрыла меня от взрыва. Я обошлась без ранений и даже не почувствовала раскалённой волны. Моя подружка тоже осталась жива, только слегка поранила голову. Мы собственными усилиями выползли из щели между развалинами и пошли по домам.

Дома меня ждала раненая мать. В тот день она ходила получать рисовый паёк и попала под атомный взрыв, когда уже возвращалась. Взяв из дома только пакет с первой помощью, она сразу схватила меня за руку, и мы побежали прочь.

Мы бежали, оглядываясь по сторонам. Везде были видны разрушенные дома, перила моста горели. По этому мосту мы направились в сторону района Кои. По пути мы встретили обгорелого до черноты человека, который стал просить: «Воды! Дайте воды!», – но в тот момент мы и сами убегали из последних сил, спасаясь, и не могли ничего для него сделать. Я до сих пор жалею, что не спросила тогда хотя бы его имени.

Еле – еле мы добрались до Кои, до народной школы. Только там я заметила, что ноги у меня были босые! Оказалось, что я бежала босиком. Как это я умудрилась не поранить ноги, пробираясь по руинам, ума не приложу ???!

И в классах, и в коридорах школы всё было заполнено ранеными людьми. Там моей матери обработали раны. У неё были ожоги на руках и ногах, сильный ожог на спине, небольшой ожог на лице, и была очень глубоко продавлена голова. Кажется, ей только смазали раны, и на этом всё лечение закончилось. Вспоминая сейчас об этом, я снова задаю себе вопрос, помазали ли её тогда лекарством или нет, но твёрдого ответа на него дать не могу.

После этого мы с ней отправились в назначенное место сбора для пострадавших нашего района, на улицу Огаватитё. Как только мы до него дошли, с неба пошёл чёрный дождь. Подхватив кусок оцинкованной жести,

валявшийся неподалёку, мы укрылись под ним от дождя. Дождь закончился, прошло совсем немного времени, и пришёл мой брат Тосиюки.

В то время брат учился на втором курсе Технической школы Мацумото и с другими однокурсниками был мобилизован на завод, в открытое море на остров Канавадзима, расположенный недалеко от Удзины. В момент атомного взрыва он ехал на работу с друзьями-однокурсниками и находился где-то в районе моста Миюки. Очень переживая за нас, он решил не ехать на работу, а сразу повернул назад и отправился искать нас с матерью. Улица, на которой стояло главное здание фирмы Хиросима Дэнтэцу, с обеих сторон была охвачена пламенем, пройти было невозможно. Он направился в сторону Средней школы Сюдо, переплыл на лодке реки Мотоясугава и Отагава, потом перешёл через мост и только к полудню(!) дошёл, наконец, до улицы Каннон. Потом уже он рассказывал, что когда проходил мимо разрушенного детского сада, из под обломков кто-то звал его на помощь, но он так спешил к своей семье, что не помог и прошёл мимо. Он спешил. Для него тогда было самое главное – пусть хоть и на минуту, но как можно быстрее, найти нас, удостовериться, что мы целы и невредимы. Он потом ещё долго жалел об этом.

Он мне рассказывал потом, что, когда он дошёл до дома, то увидел, что пожар уже подошёл вплотную. Он сразу схватил ведро и начал тушить огонь. Однако, когда пожар был потушен, оказалось, что дома никого нет, и он отправился на улицу Огаватитё искать нас. Там мы и нашли друг друга.

Моя старшая сестра утром, 6-го августа, начала хныкать, что не хочет идти в школу. Но мать ни в какую не разрешала ей пропускать занятия, так как у неё были дальние планы на образование дочери: и она готовила её к вступительным экзаменам в Женскую старшую школу Яманака. В то утро она, как всегда, отправила мою сестру в школу, откуда та так и не вернулась.

● **События после 7 августа**

На следующий день брат отправился на поиски моей старшей сестры в школу Тэнма, где она училась. Там он узнал от кого-то, что в тот день она была дежурной по уборке кабинета директора. Он искал её повсюду, но школа от взрыва сложилась, как карточный домик, все сгорело и превратилось в пепел. После пожара найти что-либо было уже невозможно.

Мы трое : мать, брат и я, ещё два-три дня пробыли там, на месте сбора, на

улице Огаватитё, но мать очень переживала за старшую дочь, и пришлось возвращаться домой.

Мы вернулись, и мама слегла и больше уже не вставала. Лечить ее было некому и негде. К нашему счастью, наш дом уцелел при пожаре, и соседи приходили и просили у нас одеяла. Моя тётя, Омоя Суэко, глядя на происходящее, в сердцах воскликнула: «Боже, что же происходит?! Людям одеяла раздают, а мать-то свою почему не укрыли?!». Мы тогда ещё совсем дети были, глупые. И брат был всего на втором курсе Техшколы, и я тоже, где-то между младшими и средними классами. Мы сами, дети, не могли со всем управиться. Тогда тётя переехала к нам, стала ухаживать за матерью и присматривать за нами. Брат моего отца Сигео был направлен в подразделение воинской части в город Ямагути, но уже на второй день после взрыва он вернулся в Хиросиму, так как у него там остались одни жена и дочь Нобуэ. Думаю, что если бы у нас не было тогда тёти и дяди, мы не смогли бы выжить.

Ожог на лице у матери быстро затянулся, и она очень радовалась, но большой ожог на спине так и не заживал.

Мы уже думали, что он подсох и затянулся, но кожа снова отделялась и снималась лоскутами. Под ней завелись белые навозные черви. Мы даже не заметили, когда на спине размножились черви. Убирать их было уже невозможно, да мы и не знали как. Мама спала под сеткой от комаров, а мы с братом около неё, но этот ужасный запах гнилого мяса и червей проникал повсюду, уснуть было невозможно.

Хотя у нее были такие ужасные раны, она не плакала, и ни разу не сказала, что ей больно, или «чешется!», она даже не просила воды. Только как-то раз сказала: «Хочу персиков, хочу поесть персиков!», – и тётя ходила за ними куда-то в сторону улицы Инокути. Вспоминая об этом сейчас, я думаю, что всё-таки она хотела тогда пить.

Утром 4-го сентября мама умерла. Она ушла так тихо, что мы с братом даже не заметили. Тётя потом увидела, и ахнула: «Да вы что?! Мать-то мертва!», – только тогда мы узнали, что её не стало. Сейчас-то я уже понимаю, что при её огромных ранах, с разбитой пополам головой прожить почти целый месяц (!) – это было просто чудо. Даже когда приезжали солдаты, садили раненых в грузовик и забирали в лагерь, мать сказала, что ни на шаг не сдвинется из дома,

пока не дождётся сведений о пропавшей дочери. Очень многие люди, покалеченные так же сильно, как и она, уехали в лагерь и выздоровели. Думаю, что она, не переставая переживать о пропавшей дочери, выдержала столько времени только потому, что ждала встречи с ней.

В тот же день, когда её не стало, мы всей семьёй отправились к руинам здания Косэйкан и сожгли там её труп. Но, видимо, от всего пережитого нами за последнее время чувства притупились настолько, что даже не появилось ни слёзинки, ни жалости. В тот день шёл дождь, и мы были озабочены только тем, что мамин труп никак загорался.

В городе все здания были разрушены, перед глазами простиралось выжженное поле, и прямо из дома всего одним взглядом можно было охватить и железнодорожный вокзал Хиросимы, и район Нисима. Всё было завалено трупами, и река тоже. Солдаты вылавливали их и сжигали. Были вокруг и трупы, пролежавшие целый месяц, а мы уже настолько привыкли к ним, что ходили мимо них и не замечали. Тогда мы ещё не знали, что взрыв был ядерным и всё облучено. Мы выкапывали оставшийся картофель и закопанные мешочки риса с чужих огородов и спокойно ели эти облучённые радиацией продукты.

● **Наша жизнь после ядерного взрыва**

После смерти матери мы сразу отправились в деревню Мидории к родственникам. Они приютили нас у себя в амбаре. Дед с бабушкой приехали к ним раньше нас. Они не сильно пострадали от ядерного взрыва, потому что в момент сброса атомной бомбы дед Омоя Томэкити и бабушка Мацуно находились у себя дома в чайной комнате. По приезде в деревню Мидории дед себя чувствовал очень бодро, но потом здоровье его резко ухудшилось, и на пятый день после смерти матери он скончался. Их сын, мой дядя Сёсо, который жил с ними тогда на улице Хиросэ, пропал без вести. В момент взрыва он находился в прихожей дома, но по сей день нам о нём ничего не известно.

Жизнь в деревне Мидории очень сильно отличалась от нашей прежней жизни. Было много случаев, когда мы терялись, так как не умели ориентироваться. Около года я ходила там в школу, потом мы вернулись в Хиросиму, на место прежнего дома бабушки в Хиросэ. Собравшись с силами, мы все расчистили,

приготовили место для нового жилья, и, построив барак, стали там жить. Наши дядя с тетей стали нам вместо родителей, и нас с братом воспитали как своих родных детей. Они не давали нам повода почувствовать одиночество после потери матери.

Но, постепенно взрослея, я стала ощущать недостаток материнской любви. Хотя нас с двоюродной сестрой и растили с детства как родных сестер, но, начиная с младших классов, для неё взяли дополнительно домашнего учителя, а мне нет. Глядя на то, как она усердно учится, мне было завидно и немного грустно. Я прожила в семье дяди до моего замужества. Прямо у себя дома они занимались изготовлением мебели, и я там работала делопроизводителем, занималась документами.

● **О браке и о болезни**

В те времена большинство людей, попавших под радиоактивное облучение, пытались скрыть это, особенно женщины, думая что такой факт биографии может помешать их будущему браку. Многие из них даже не подавали заявления на получение книжки–удостоверения «пострадавшего от атомного взрыва». Сейчас, конечно, эта книжка мне очень помогает получать льготы, но в то время я тоже не сразу пошла на приём. О браке я не переживала. Я всегда знала, что жениха мне выберут дядя с тетей. Действительно, я вышла замуж по смотринам, и, к моему счастью, жених мой совершенно не переживал о том, что я пострадала от радиации.

С браком всё удачно обошлось, но следующей проблемой для меня было здоровье моих будущих детей. У меня нашли рак щитовидной железы, и мой брат, и моя двоюродная сестра тоже вскоре заболели раком. Моя родившаяся в браке дочь тоже больна: у неё опухоль слухового нерва. Я до сих пор переживаю, что, скорее всего, это последствия радиоактивного облучения, полученного мной во время ядерного взрыва.

● **Мои мысли о мире**

Я очень часто рассказываю своим детям о том, что пережила во время ядерного взрыва. Мы часто ходим с ними вместе в Документальный музей ядерного взрыва, и я рассказываю им о том, как всё происходило тогда, когда была сброшена атомная бомба.

В те послевоенные годы я настолько была занята, что у меня даже не было времени сходить на семейную могилу и поклониться погибшим родственникам и предкам. Сейчас я очень часто хожу к ним и подолгу с ними разговариваю. Если бы моя мать сейчас была жива, сколько бы я могла сделать для неё в ответ на то, что делала она для меня тогда, когда я была маленькая. И поэтому сейчас, когда я вижу престарелых людей примерно такого же возраста, как она, я не могу пройти мимо них, ничего для них не сделав. Мне хочется дать им то, что недодала своей матери. И ещё, я очень благодарна тому, что, вопреки всему, я осталась жива. Осталась жива в то время, когда много людей вокруг погибли от ядерного взрыва и продолжают умирать от его последствий. Вспоминая сейчас свою скончавшуюся мать, я понимаю, что для своих детей я должна всегда оставаться здоровой, и понимаю ещё и то, что должна прожить для них как можно дольше.

**События того лета,
которые хочется забыть,
но забыть невозможно**

Тиёко Симотакэ

● **Моя жизнь до войны**

Я родилась в 1921 году в деревне Тонога, в уезде Ямагата в префектуре Хиросима (потом её переименовали в Какетё, а сейчас это Аки Отатё).

Примерно в 1940–м или 1941–м году родители отправили меня на обучение к очень строгой, по слухам, и очень известной, тоже по слухам, преподавательнице этики, в деревню Цуцугасон (сейчас это Аки Отатё). Мы все, ее ученики, жили при ней в её доме и изучали искусство приготовления чая и составления композиций из цветов, а также искусство общения и этикета. Теперь я понимаю, насколько это обучение пригодилось мне в дальнейшей жизни. Прошло несколько лет, и наша знаменитая преподавательница скончалась. Меня вызвал к себе Управляющий делами образования деревни Цуцугасон и поручил мне продолжить её дела. Я начала преподавать ученикам этику, и совет деревни мне аккуратно выплачивал зарплату. Для меня это был неплохой заработок.

Через некоторое время я познакомилась с племянником главы деревни Кавамото Хисаси. В мае 1944 года мы поженились. Мой отец тогда как раз работал в совете деревни, и с его помощью мы и нашли друг друга. После женитьбы мы переехали в Хиросиму, на улицу Хидзияма Хонмати, где жили вчетвером с родителями мужа, свёкром Камэ Сабуро и свекровью Сэкиё, вблизи от моста Цуруми. Муж занимался торговлей часов, но так как в нашем районе уже было несколько таких магазинов, а больше открывать не разрешалось, то он уехал работать в другой город. Во время войны порядки были строгие, не разрешалось даже, чтобы в доме оставалось две женщины для ведения хозяйства. Было такое время, что «женщины тоже должны работать !», и я уже на второй месяц после свадьбы пошла работать на оружейный завод военной пехоты в Касумитё, где работал мой свёкор.

● **До атомного взрыва**

Род моего мужа так же, как и мой, был из деревни Тоногамура. Свекровь 3–го августа собиралась ехать в деревню, но утром её планы изменились, и она сказала: «Езжай-ка ты сначала одна, а я поеду попозже и остановлюсь там дней на десять, на Обон (дни поминовения усопших) », – и до пятого числа отпустила меня в родительский дом в Тоногамуру. Я была уже на мосту Цуруми, и тут вижу, что свекровь бежит за мной. Она дала мне очень хороший

зонтик от солнца, и попросила оставить его дома, в деревне, так как в Хиросиме неизвестно что произойдет, может, и бомбить будут, а там он лучше сохранится. «Передай привет от меня отцу и матери, и не забудь, что 5-го числа мы ждём тебя обратно!», – сказала она мне, и эти слова оказались её последними словами, хотя тогда я этого ещё и предположить не могла. Мне было так хорошо дома, что хотелось остаться ещё хоть чуть-чуть подольше, побыть ещё немного с родней, и я решила, что поеду на последнем ночном автобусе. Но когда собралась ехать, оказалось, что трамваи отменили, и добираться до вокзала было не на чем. Ничего не оставалось делать, как опять вернуться домой. Мой отец увидел меня и отругал: «Нельзя быть человеком, не умеющим держать своё слово! Стыдно перед матерью и отцом мужа!», – и послал семье Кавамото срочную телеграмму о том, что завтра обязательно отправит меня назад.

● События с 6-го по 9-е августа

Так как я задержалась на один день, надо было бы поторопиться, но я снова провозилась с утра (6-го августа), и не успела рано выехать из дома. Если бы я тогда выехала пораньше, я бы попала прямо под атомную бомбу. Настало 8 часов 15 минут. Что-то сильно сверкнуло, и сразу обрушился такой огромный звуковой удар, что земля под ногами вздрогнула. Откуда ни возьмись, вдруг прилетели и начали падать обгоревшие обрывки бумаги, каких-то документов, кое-где можно было разобрать слова « . . . г. Хиросима », и я поняла, что в Хиросиме что-то случилось. Через некоторое время пришло сообщение, что в Хиросиме произошло нечто ужасное, непоправимое. Я сразу хотела ехать туда, но отец меня остановил, сказав, что в такое время женщинам и детям по улицам ходить не следует, и что сначала он сам сходит и посмотрит, что там случилось, и отправился пешком в Хиросиму. Сначала он пошёл к нам, в дом Кавамото, на улицу Хидзияма Хонмати, но там всё сгорело, и на месте пожарища была воткнута доска с надписью : «мы в общежитии оружейного завода». Он пошёл туда и нашёл там мужа и его родителей. К сожалению, у свекрови был ужасно сильный ожог, она очень мучилась и душа уже чуть держалась в ней. После этого отец направился в дом моего дяди, на улицу Восточная Хакусима. Дом был совершенно разрушен, и родственники наши ушли оттуда в сторону района Кои. Мой двоюродный брат погиб во время

работ по разбору зданий, куда был мобилизован вместе со школой.

Отец обошёл всех родных и вернулся в Тоногамуру. Узнав от него, что муж с родными находится в общежитии оружейного завода, утром 8 –го августа я с пересадками на автобусе и поезде отправилась в Хиросиму. По пути я увидела, что площадь перед станцией городка Кабэ была усыпана израненными людьми, находящимися при смерти.

Искавшие своих родных люди наклонялись над ними и окликали по имени, но из лежащих ни у кого не было силы даже откликнуться. Увидя у себя перед глазами столько искалеченных людей, я ещё больше стала переживать за свою семью.

Поезд остановили на вокзале Митаки, и нас всех высадили. Оттуда я отправилась пешком в общежитие оружейного завода, неся сумки с продуктами из родного дома: рис и солёные сливы. Но как и куда идти было совершенно непонятно: передо мной простиралось выжженное поле, и зданий, по которым я собиралась ориентироваться, не было вообще. Я блуждала в поисках нужного направления. Увидев в стороне огонь, я подумала, что там кто–то есть, и подошла, чтобы спросить дорогу. Оказалось, что это жгли труп. Трупы жгли везде: и на мосту, и у дороги, и на рисовых полях; жгли без разбора, где придётся. Глядя на горевшие трупы, я уже ничего не ощущала, даже запаха. Думаю, что от ужаса происходящего чувства мои совершенно притупились.

До общежития я, наконец, добралась только в три часа ночи 9–го августа! К тому времени свекровь уже скончалась, но после её смерти прошло всего несколько часов, и труп её ещё не вынесли. Во время атомного взрыва свекровь была в огороде, практически всё тело было обожжено, а подбородок и грудь сгорели и отпали вообще. Смотреть на это было невыносимо больно! Свёкор говорил, что до этого она всё время стонала, но тут затихла. Он поднёс свечу, и при её слабом свете увидел, что жена умерла. На следующий день он сколотил деревянный гроб. Мы положили в него свекровь и сожгли её на картофельном поле.

● **Смерть мужа**

Муж мой в момент взрыва находился в доме и не получил ни ожогов, ни даже заметных, на первый взгляд, ранений. Он выбежал из дома только тогда,

когда с огорода услышал отчаянный крик матери, и побежал к ней на помощь. Утром 15-го августа я проснулась очень рано, в пять часов. Муж, не вставая с постели, сказал мне: «Что ты так рано, спи ещё . . .». Но тот день был седьмой со дня смерти свекрови, и я решила приготовить сласти (из риса), чтобы преподнести ей, и сварить рисовую кашу для нас троих на завтрак. Когда всё было готово, я позвала мужа к столу, но мне никто не ответил. «Странно», – подумала я, и пошла к нему в маленькую комнатку, где он спал вместе с отцом. Муж был мёртв. Даже его отец не заметил, когда он скончался. Мухи летали над ним, и чтобы как можно быстрее его сжечь, мы написали в «заявлении о смерти», что он умер не 15 –го, а 14-го числа, и в тот же день сожгли его тело. И для него тоже мой свёкор сколотил гроб, положил его туда, и мы его понесли. В прошлый раз, когда свёкор поджигал труп жены, его трясло так, что он едва держал себя в руках, и поэтому на этот раз он отказался, и попросил, чтобы я сама подожгла труп мужа. Но поджигать тело человека, который утром ещё был жив, для меня было таким потрясением, что всё моё сознание безумно сопротивлялось этому. Время шло, нужно было зажигать. Застывшими руками я чиркнула спичкой, и он загорелся. Находиться там, рядом, уже не было никаких сил. Я рванулась бежать, но ноги стали как ватные, я даже не смогла идти. Пришлось оттуда уходить ползком. И я поползла. Везде жгли трупы, земля была горячая, и когда я доползла на четвереньках до дома, мои ладони, колени, ноги были в ожогах. На следующий день я пошла забирать прах мужа. Прямо надо мною в небе пролетел вражеский самолёт, но, к моему удивлению, не было ни предупреждения о воздушной тревоге, ни сирены. «Вот так дела!», – подумала я. Тогда я ещё не знала, что война уже закончилась.

● Цианистый калий для самоубийства

На оружейном заводе женщинам-сотрудницам раздавали цианистый калий на тот случай, если возникнет угроза изнасилования со стороны американских солдат. Нужно было его выпить, чтобы не отдаться живыми, ведь это считалось очень неприличным. Когда мой муж умер, мне стало так тоскливо, что я решила выпить этот яд. Свёкор пошёл подавать заявление о смерти мужа, а я в это время набрала воды, и уже собиралась насыпать в рот цианистый калий, как вдруг представила себе, что же с ним будет, когда он вернётся и вдобавок ко

всему найдёт мёртвой ещё и меня. В голове у меня прояснилось. «Нет, я не должна умирать: свёкор болен, и я должна ухаживать за ним!», – сказала я себе и оставила затею с ядом. Я отрезала свои длинные волосы, и положив их к мужу в гроб, сказала: «Прости меня, но себя я тебе преподнести не могу, поэтому отдаю тебе это, от всего сердца», – и сожгла их вместе с мужем. Думаю, что если бы не было свёкра, я бы тогда выпила цианистый калий. После своего возвращения в родную деревню Тоногамура, я этот яд бережно хранила, но потом решила, что если он останется у меня в руках, ни к чему хорошему это не приведёт, и попросила своего единственного младшего брата его сжечь. Тот запах, запах горящего цианистого калия, нельзя было сравнить ни с чем.

● **Смерть свёкра**

Когда грянул атомный взрыв, свёкор был на работе на оружейном заводе. Он получил сильный ожог спины, поэтому всегда спал только на животе. После смерти мужа я хотела увезти его к себе в деревню, но 25-го августа он скончался. Мне было всего 24 года, но я уже успела потерять и свекровь, и мужа, и свёкра и осталась совсем одна. Я думала, что лучше теперь было бы и мне умереть. Но у меня оставался ещё один невыполненный долг: я должна была отвезти прах всех троих к ним на родину и отдать их близким, поэтому умирать я не имела права.

● **В деревню Тоногамура**

Только 6-го сентября с прахом мужа и его родителей я, наконец, добралась до родной деревни Тоногамура. Родственники помогли мне провести похороны. К тому времени я очень похудела, здоровье моё пошатнулось, и родители с братьями ухаживали за мной. Именно благодаря им я до сих пор жива. Родители и братья – это, действительно, дар небесный. Каждый день все вместе мы садились за стол, и, глядя на них, я тоже стала помаленьку есть. Тогда были времена, когда есть было нечего, и хотя я голода не ощущала, но я понимала, что так долго голодать вредно. Я заставляла себя принимать пищу через силу. Может, именно это меня и спасло.

Потом я с отцом несколько раз ездила в Хиросиму. Однажды я долго шла пешком по дороге, разбитой тайфуном Макурадзаки, поэтому совершенно

выбилась из сил. Вдруг в городе ко мне привязался и никак не отставал один иностранный военнопленный. Я убегала изо всех сил, и мне было так страшно, что я не могу забыть тот страх до сих пор.

● **Второй брак**

В 1957–м году я повторно вышла замуж. У моего мужа уже было трое своих детей, самому младшему тогда только исполнилось два годика. Опыта в воспитании детей у меня не было никакого. Сначала я даже решила отказаться от предложения, но когда мы встретились и я увидела их, они мне показались такими хорошенькими. «Своих детей у меня, скорее всего, уже не будет, а жить с ними и воспитывать их, наверное, будет интересно», – подумала я, и решила выйти замуж.

● **Состояние здоровья**

Состояние моего здоровья приносит мне много хлопот. Я одновременно стою на учёте у нескольких врачей. Если я иду к зубному вырывать зуб, то должна вести с собой на приём и врача терапевта, потому что, когда начинается кровотечение, его уже трудно остановить.

Примерно семь лет назад, в 2001–м году, мне сделали операцию по удалению рака яичников. Но рак перешёл на кишечник, и пришлось провести ещё одну тяжёлую операцию. Мне вырезали 50 сантиметров кишечника! Считается, что рак яичников очень трудно вылечить, а у меня еще и метастазы пошли в кишечник. Думаю, что я чудом выжила.

Когда у меня был рак яичников, вся еда казалась горькой, и когда я снова почувствовала этот вкус, испугалась и сразу пошла к врачу на обследование. Оказалось, что у меня кишечная непроходимость, и меня снова положили в больницу.

● **Последствия облучения**

Хотя я обошлась без прямых ожогов от ядерного взрыва, мухи, видимо, как-то успели отложить яйца в раны, и из разных частей тела: из из-подкожи рук, ног, спины стали выползать черви. Было так больно, как будто оводы жалили. До сих пор на спине у меня остались глубокие шрамы, похожие на дыры. Мне стыдно раздеться, и в общую баню я не хожу.

В больнице на осмотре тоже, как только доктор видит мою спину, сразу спрашивает, что это у меня. Все думают, что это ожоги от прямого облучения, но это не так.

Думаю что Мир – это очень важная вещь, а войны не должно быть вообще. Даже дома, в семье, не очень приятно ругаться и ссориться, поэтому нужно приложить все усилия, чтобы разлада между людьми всего мира не стало !

Повезло тебе ...

Тосио Мияти

● Жизнь в то время

Я родился в 1917–м году (6–й год эпохи Тайсё), в деревне Наканосё в уезде Мицуги (в настоящее время это г. Ономити, Инносима, посёлок Наканосё). Отец работал на почте, мать была домохозяйкой и немного занималась огородом. Я родился первым мальчиком после трёх старших сестёр, а через два года родился мой младший братик. Потом, в 1924–м году, у нас родилась младшая сестрёнка, но сразу умерла, а за ней скончалась и мать. Детей раздали родственникам, меня забрал к себе отец, и мы стали жить с ним вдвоём. В 1939–м году меня призвали в армию и распределили в Пятый полк 5–й дивизии полевой артиллерии. Я был командиром орудийного расчёта, и три года меня перебрасывали с одного военного фронта на другой, от Вьетнама до Китая. После отставки я вернулся и пошёл на работу к моему двоюродному брату, который держал универмаг в городе Хикари. В 1943–м году я перевёлся на работу в фирму моего дедушки по отцовской линии «Обработка корунда Миядзи», тоже в городе Хикари. Перевёлся я туда для того, чтобы было легче ухаживать за отцом, дом которого был поблизости от главного отделения фирмы. Примерно тогда же я женился, и в апреле 1944 года у нас родился старший сын.

В апреле 1945 года меня призвали в армию повторно, и я решил отправить жену с ребёнком на свою родину, на остров Инносима. На этот раз меня тоже распределили в Пятый полк полевой артиллерии, но уже в Главный штаб полка на должность ответственного по кадрам. Основные ударные подразделения были направлены по разным городам для внутренней обороны, и в Главном штабе солдат практически не осталось. Моя основная работа, как кадровика, состояла в том, чтобы составлять списки военных и распределять военные билеты. Я не принимал участия даже в военных учениях.

Мой начальник, старший унтер–офицер Окада, был родом из деревни Кобатаке, уезда Дзинсэки (в настоящее время посёлок Дзинсэки Коген). Он был прекрасным человеком. В кабинете работали только мы вдвоем, и он всегда обо мне заботился.

В июне 1945–го года наше подразделение переименовали в подразделение №111 района Тюгоку. Подразделение было расположено с западной стороны Хиросимского Замка, вдоль рвов, в 4~5–ти быстро выстроенных двухэтажных лагерях, в которых разместились четыре батареи.

● **События перед атомной бомбардировкой**

После отставки я собирался вернуться на прежнюю работу. На фирме меня уже ждали, и в подразделение пришло письмо от директора, в котором сообщалось, что предстоит совет по обсуждению важного дела, и что следует приехать в город Хикари. Но так как для меня фирма была не просто местом моей работы, но и местом работы моей родни, я не хотел, чтобы обо мне подумали, будто я под видом работы просто поехал навестить родных. Поэтому я не подал заявления на увольнение. Мой начальник, старший унтер-офицер Окада, отнёсся ко мне с большим пониманием, и сказал: «Не переживай, я возьму для тебя разрешение, успокойся!». Благодаря ему я получил разрешение на увольнение, и в воскресенье 5-го августа уехал в город Хикари. В подразделении я сообщил, что на следующий день, в понедельник 6-го августа, прибуду на поезде на железнодорожный вокзал Хиросимы в 9 утра.

6-го августа я проснулся в 4 утра, позавтракал и сел в поезд на станции Хикари. Думаю, что в момент атомного взрыва, в 8:15 утра, я находился где-то перед станцией Ивакуни. Из-за стука колёс я не слышал никаких звуков снаружи, и грохот взрыва тоже не услышал. Но другие пассажиры заметили что-то и зашумели: «В небе над Хиросимой поднялся огромный шар дыма!» Все, как один, они прильнули к окнам по правую сторону движения, стараясь разглядеть происходящее снаружи. В салоне поезда оповещения не было, никто не знал, что произошло, и поезд стал двигаться дальше. Вдруг он резко затормозил на станции Ицукайти: более ранний поезд тоже стоял там. Сказали, что движение на Хиросиму закрыто, и всем пассажирам приказали выходить. Я растерялся, так как обещал, что в 9.00 прибуду на вокзал и сразу приду в подразделение.

На станции Ицукайти из стоящего перед нами поезда повалил чёрный дым, стало так темно, как ночью. Было едва видно, как двигаются люди. Когда дым рассеялся, я заметил, что возле станции стоит военный грузовик. «Мне нужно вернуться в подразделение, подвезите, пожалуйста, до Хиросимского замка!»,- попросил я. Оказалось, что дела они свои уже закончили, и поэтому согласились меня взять. Они были вдвоём, младший и старший унтер-офицеры. Следов повреждений на них я не заметил. Наверное, атомный взрыв их не задел. Если они сейчас живы, хочу выразить им чувство

своей искренней благодарности.

● **Состояние города после атомной бомбардировки**

По какой дороге мы ехали из Ицукайти в Хиросиму, я точно не помню, помню только, что мы ехали через поля все время прямо. По этой дороге навстречу нам тянулись и тянулись спасающиеся бегством жители. Мы въехали в город и поехали вдоль трамвайных путей. В городе людей не было, не видно было даже ни кошек, ни собак !

Я просил подвезти до Хиросимского Замка, но меня высадили перед мостом Аиои. От этого моста до моего подразделения было рукой подать, и я решил идти пешком. Однако горевшие дороги раскалились, идти было невозможно. Свои солдатские ботинки я даже обмотал портянками, но не продвинулся ни на один метр, и ничего не оставалось делать, как встать и стоять перед мостом Аиои.

Так я на мосту на протяжении целого часа только и занимался тем, что то продвигался на 50 сантиметров вперёд, то снова на столько же возвращался. Внезапно начался ужасно сильный дождь. Коже было так больно, будто её протыкали иголками. Дождь был чёрного цвета, всё вокруг почернело, будто облитое мазутом, но, вытирая мокрое лицо руками, я заметил, что он совсем не жирный. На открытом выжженном поле скрыться от дождя было негде, и я весь промок до нитки, но пришлось стоять и ждать, пока не кончится дождь.

Как только дождь закончился, всё резко изменилось: стало прохладно, как осенью. Дождь охладил дороги, и теперь можно было идти пешком.

Вернувшись в подразделение, я увидел, во что превратились казармы. Перед моими глазами предстала чудовищная картина. Все постройки будто раздробились и рассыпались, остатки сгорели и превратились в пепел, а дождь всё смыл, не оставив и следов от солдатского жилья, как будто ничего и не было.

Тело старшего унтер–офицера Окады было полностью обожжено. Он был уже при смерти, но ещё дышал. Под сплошным ожогом очертания его лица настолько изменились, что я даже сначала не узнал его. Но он увидел меня сам и окликнул : «Эй, Мияти, повезло тебе, да ...», – только тогда я понял, что это он. Я ушёл, а когда вечером вернулся, его уже нигде не было, видимо его куда–то перенесли.

Точно не помню, кажется, 6-го числа, сразу после чёрного дождя, на другом берегу реки Ёкогавы я встретился с Генералом 2-го Главного военного штаба Хата Сюнроку. Рядом с ним был помощник командира, и он приказал мне : «Посадить Генерала Хата на спину! Перенести через реку Тэнма и не промочить!». Генерал Хата был сухощавым маленьким человеком. Исполняя приказ, я взял его на спину и перенёс через реку, даже не почувствовав тяжести.

● Спасательные действия

На западном учебном плаце собралось около 90 солдат, оставшихся в живых после атомного взрыва. Нам поручили сжигать трупы. Сожгли мы просто неисчислимое количество трупов: вчера 250 человек, сегодня 300 человек, и так каждый день.

Особенно отчетливо отпечатался в памяти один эпизод. Когда мы собирали тела умерших у Хиросимского замка, я увидел двух погибших американских солдат. Их трупы валялись на ступеньках. Думаю, что эти двое были из тех военнопленных, которых поймали и держали некоторое время в здании около замка.

В тот день, 6-го августа, еды не выдали, и я повёл своих подчинённых, 30 человек, в муниципалитет за сухарями. Не ожидая от самого себя такой смелости, я вступил в перебранку с работниками муниципалитета, но сухарей нам не дали. В тот день уже ничего не оставалось делать, как пить кипяток с сахаром, хотя бы этим наполняя желудок. После 7-го августа в Хиросиму поступила продуктовая помощь из других городов, и нам, как спасательному отряду, выдали рисовые колобки и сухари.

Спасательные действия продолжались до конца августа, и всё это время мы спали ночью под открытым небом. 31-го августа, наконец, дали приказ о роспуске подразделения, и солдатам стали раздавать оставшиеся на военном складе вещи. Я взял военную форму и шерстяное одеяло. Тем, кто был из крестьян, давали и военных коней, и люди уезжали домой верхом. 1-го сентября на пароходе, прибывшем из порта Итодзаки, я вернулся на родной остров Инносиму.

● О болезнях

Прошло месяца два после моего возвращения на Инносиму. Я был в огороде и

захотел в туалет. К моему удивлению, вышло почти два литра мочи коричневого цвета! После этого я всё время продолжал ходить коричневой мочой, а через год оказалось, что у меня желудочно–кишечная непроходимость, и я лёг в больницу. Потом стало плохо с печенью, и я снова попал в больницу. В 1998–м году у меня нашли рак мочевого пузыря. Так я до сих пор и лечусь. Книжку–удостоверение пострадавшего я получил ещё в сентябре 1960–го года, хотя сначала подумывал, стоит ли подавать заявление, или нет. Получил её по рекомендации муниципалитета. Прошли годы, и когда у меня начались разные болезни из–за облучения, эта книжка мне очень помогла в лечении, и я подумал: «Как хорошо что я от неё не отказался!».

● **Послевоенная жизнь**

После войны я открыл на острове Инносима свою бакалейную лавку. Так как это была деревенская лавка, я в ней не только продавал продукты: рис, пшеничное зерно, растительное масло, но и делал очистку риса, а также продавал электротовары.

То, что жизнь моя была лёгкой, сказать не могу, но мы старались. Дети мои даже высшее образование получили.

В 1946–м году родилась старшая дочь и умерла сразу же вместе с матерью. В 1947–м году я женился повторно. У нас родились два сына и дочь. Дети, рождённые после войны, были слабые, и я переживал, что это из–за меня, что это последствия облучения. От дочери я слышал, что мать предупреждала её о том, что, когда ей будут предлагать замуж, никому не говорить, что она является вторым поколением пострадавшего от атомного взрыва, чтобы от неё не отказались.

● **О погибшем от атомного взрыва начальнике**

Если бы война продолжалась тогда, думаю, что Япония бы оказалась в очень плачевном состоянии. Я считаю, что мирная жизнь нашего времени построена на бесчисленных жертвах войны.

Я избежал прямого попадания под атомную бомбу и остался жив только потому, что мой начальник, унтер–офицер Окада, выхлопотал для меня разрешение на увольнение. После нашей с ним последней встречи 6–го августа, когда он окликнул меня: «Мияти ... повезло тебе , да ...», – я не получал о нём никаких

известий, и всё время переживал за него. «Во что бы то ни стало, я хочу высказать ему свою благодарности! », – постоянно повторял я, и мои дети взялись за его поиски. Они искали его и по интернету, и обзванивали один за другим кладбища, и, наконец, нашли для меня могилу унтер–офицера Окады ! В 2007–м году мы всей семьёй пришли к нему на могилу. Я преклонил колени перед своим начальником, унтер–офицером Окадой, и выразил ему чувство своей глубокой благодарности. Только после этого я смог спокойно вздохнуть.

Наши мысли о мире - грядущим поколениям

Токио Маэдои

● Жизнь до бомбардировки

В 1945 г. я жил с моей мамой Хисаё и двумя старшими сестрами в квартале Кусуноки 1-тёмэ. Учился я в старших классах государственной школы в Мисаса. В то время все ученики были мобилизованы на работы на заводах и других объектах, куда должны были ходить каждый день, поэтому занятий в школе не было. Я вместе с другими 40 учениками моего класса работал на заводе автомобильной фирмы «Ниссан дзидося». Две старшие сестры тоже работали: Кадзуэ - в сберкассе, а Цуруэ - на армейских складах обмундирования.

● Шестое августа

В этот день я находился там, куда был мобилизован - на заводе фирмы «Ниссан дзидося». Одноклассники, работавшие вместе со мной, были разбросаны по всему заводу, а я был прикреплен к администрации, где выполнял различные мелкие поручения, такие как доставка деталей по заказам в различные цеха завода. Тогда как раз поступил очередной заказ принести коробки с деталями. В тот момент я вышел из здания администрации с двумя коробками в руках и направился в цех, располагавшийся в глубине здания. Внезапно меня залило бело-голубым, как пламя газовой плиты, светом. Я был ослеплен этим нестерпимо ярким светом и перестал что-либо видеть. Было такое чувство, что какая-то сила отрывает мое тело от земли. Никакого сигнала тревоги не было, поэтому я оказался практически незащищенным вне укрытия и мне показалось, что рядом взорвалась авиационная бомба. Даже мелькнула мысль: «А-, вот и смерть пришла!»

Не знаю, через сколько минут ко мне вернулось сознание, но я обнаружил, что валяюсь на земле. Постепенно ко мне стало возвращаться зрение, как будто передо мной развеивался туман, и я подумал: «Я все таки жив!»

Похоже, что я упал прямо на газовые баллоны, рассыпавшиеся рядом, ушиб и поранил руки. Вспоминая сейчас, я думаю, что был острижен наголо, на мне была рубашка с короткими рукавами и круглым воротником и короткие штаны. Все открытые места были ужасно обожжены, но тогда я сразу не понял, в каком я состоянии, и не чувствовал боли. Одноклассников, работавших вместе со мной, не было видно, я очень беспокоился о родных, поэтому решил идти домой. Я пошел к главным воротам. Они повалились набок, придавив троих

человек. Я стал помогать тем, кто пытался их вытащить. Когда это удалось, все стали говорить: «Спасайся! Спасайся!» и я покинул территорию завода.

● **Обстановка после взрыва бомбы**

Весь город был в руинах и завалах от обрушившихся зданий и сооружений, дорог не было видно. Тут и там поднимался дым от начинавшихся пожаров. Двигавшиеся по улицам люди все были обожжены. Были такие, которые шли схватив в охапку детей. Приходилось пробираться через развалины и обрушившиеся деревянные сооружения. Торчащие гвозди протыкали подошву обуви и ранили ноги, но я шел изо всех сил и не чувствовал боли. Из развалин, по которым приходилось идти, доносились слабые крики о помощи и стоны. Обстановка была такая, как будто это картина ада, я сам был в полубессознательном состоянии, не в силах что-то сделать в ответ на голоса, просившие о помощи, и думал только о том, чтобы добраться домой.

Когда наконец я добралась до дома, я увидел, что он полностью разрушен. Там должны были быть мать и сестра, но их нигде не было видно. Мне было всего 12 лет, и меня сразу охватил ужас от мысли, что я «остался совсем один». Я подумал: «Все кончено!» и некоторое время, застыв на месте, смотрел на развалины. Тут кто-то поблизости стал кричать мне: «Сюда приближается огонь! Спасайся!» и я наконец решил бежать прочь. Прежде всего я решил добраться до того места, которое в семье обговаривалось в качестве убежища на случай чрезвычайной ситуации и находилось в пригороде. По дороге я случайно встретился с моим одноклассником по фамилии Накамура, который тоже был мобилизован на работу на том же заводе. Он направлялся к своим родственникам и предложил мне идти вместе.

Квартал Митаки-тё располагался ближе к горам, поэтому разрушения здесь были небольшими, и ограничивались выбитыми стеклами. Родственницей оказалась старенькая бабушка, которая стала беспрестанно повторять: «Спаслись! Как хорошо! Как Хорошо!» Она дала рисовый колобок «омусуби», но у меня совсем не было аппетита и я не мог есть. С этого времени я начал чувствовать боль, и обратил внимание, что мое тело стало не таким, как обычно. Все места, которые не были прикрыты одеждой, покрылись сплошными ожогами, повсюду были огромные волдыри, в которых с шумом перекатывалась жидкость. У меня не было шапки, поэтому голова также

покрылась ожогами и сильно болела. Говорят, что, если обожжено более трети поверхности тела, то выжить невозможно, но мне кажется, что у меня были более значительные ожоги.

Думаю, незадолго до полудня начался дождь. Для моего тела, которое все горело как в огне, дождь принес облегчение и я некоторое время стоял под каплями дождя. Приглядевшись к дождевой воде, я обратил внимание, что она блестела как масло. Тогда я не понимал еще, что это значит, а теперь я думаю, что это и был тот самый «черный дождь», который нес в себе радиоактивные вещества.

Потом я опять направился в школу, которая являлась местом прибежища для пострадавших в деревне Ясу-мура (сейчас она находится в районе Асаминами-ку в Хиросиме), я попрощался с Накамурой и продолжил свой путь. Тело нестерпимо жгло, поэтому я взял на придорожном поле огурец, выдавил сок и протер им ожоги. Потом пошел опять.

Наконец, я добрался до школы. Там был развернут пункт медицинской помощи, а пострадавшие лежали вповалку на земле, напоминая тушки тунца, сложенные рядами. Там меня впервые осмотрели, но лечение заключалось лишь в протирании пораженных частей тела растительным маслом. Школа была переполнена пострадавшими, поэтому было выделено еще одно место. Когда нас перевозили, я каким-то чудесным образом смог встретиться с моей старшей сестрой по имени Цуруэ. В момент взрыва она находилась дома. У нее была рана на голове, и она ходила забинтованная. Наконец-то, я смог встретить кого-то из родственников и сразу успокоился, подумав: «Я все таки не один!» От сестры я также услышал, что мать тоже жива и мы направились к матери. Мать, в момент взрыва находившаяся в садике около дома, получила раны на ноге и голове. Потом мы смогли там же встретиться с еще одной сестрой, которая в момент взрыва была на работе в сберегательной кассе.

Там же в деревне Ясу-мура меня застало окончание войны. Я помню, что испытал облегчение: «Все, теперь не надо идти на войну!» Я провел в деревне Ясу-мура две недели, потом перебрался в дом родственников отца в деревне Гоно-мура в уезде Таката-гун (современный город Акитаката-си).

Мое состояние стремительно ухудшалось. Начали поговаривать, что я долго не протяну. В деревню Гоно-мура периодически приезжал врач, поэтому на большой тележке меня отвезли, чтобы показать ему. Там я впервые получил

белую мазь для лечения ожогов и более или менее нормальное лечение. Ожоги были сильными, невозможно было снять одежду и ее приходилось разрезать ножницами. Поднялась высокая температура, самостоятельно не мог ходить в туалет и приходилось пользоваться чьей-то помощью. Мать, превозмогая боль своих ран, выхаживала меня – младшего ребенка и единственного сына. Я помню, как она ночами сидела около меня с веером и обмахивала приговаривая: «Наверное, тебе жарко! Наверное, тебе жарко!» Во время лечения ожогов также часто шла носом кровь. Бывало, что кровотечение не останавливалось и приходилось просить врача сделать укол, чтобы остановить кровь.

Постепенно я стал поправляться и ходить в школу на новом месте. В этой школе было еще трое учеников, которые после бомбардировки приехали из разных мест в Хиросиме.

Примерно в сентябре, мне очень сильно захотелось посмотреть, что из себя представляет Хиросима, и я один на автобусе поехал в город. Недалеко от того места, где был мой дом, соседи построили небольшой сарай и жили в нем. Я смог поговорить с ними и выслушать их рассказ. Я также еще обратил внимание, что в нескольких местах стояли такие же небольшие сарайчики, едва позволяющие спастись от дождя и непогоды. Потом я направился на завод «Ниссан дзидося», где я находился в момент взрыва, и неожиданно встретил директора завода. Он окликнул меня: «Ты не заболел тогда?» Я смог поговорить с ним. Он сказал, что у одной из работниц администрации, находившейся в кабинете, взрывом выбило глаза, и меня на мгновение охватил страх, потому что незадолго до взрыва я находился в том же помещении. С 40 моими одноклассниками, которые работали на том же заводе, я потом не встречался. Поэтому не знаю, кто остался жив, а кто - нет.

● **Возвращение к жизни**

Через 2-3 года пришлось опять вернуться в Хиросиму, потому что в деревне нельзя было найти работу. Мой послужной список не был очень впечатляющим, поэтому пришлось попотеть в поисках работы. Чтобы прокормить себя, работал разносчиком газет, на стройке, но как-то продержался.

В 23 года я решил жениться. Я не хотел ничего скрывать от будущей жены, поэтому рассказал ей все, что было во время бомбардировки. Жена, зная все, дала свое согласие выйти замуж. В те времена в газетах много писали о наследственных заболеваниях людей, которые попали под бомбардировку, я старался сделать так, чтобы она не обращала на это внимание. В 27 лет у меня родился первый сын, в том же году по рекомендации брата жены меня взяли на завод «Тоё когё» (Современная фирма «Мазда»). До этого я сменил много мест работы, но брат жены посоветовал мне с особым вниманием отнестись к этой возможности. И я решил постараться на благо моих детей и пошел на эту работу.

● **Боязнь за свое здоровье**

Разговаривая со своими товарищами, работавшими в ночную смену, я понял, среди них есть еще один, кто попал под бомбардировку около моста Аиои-баси. Причем он был почти в самом эпицентре. Послушав его, я очень удивился. Ему пришло приглашение из АВСС (Комиссия по изучению последствий атомной бомбардировки) провести обследование состояния его здоровья. Он тоже был пострадавшим от бомбардировки, поэтому мы могли откровенно разговаривать обо всем, что беспокоило нас. Состояние его здоровья было очень неважным, и он попал в больницу. Потом один раз вернулся на работу, но в конце концов умер в возрасте 50 лет. Я тоже постоянно испытывал беспокойство за свое здоровье, и считаю почти чудом, что дожил до настоящего времени. Я доработал до 55 лет, после чего ушел на пенсию.

● **Размышления о мире**

Я могу сказать, что побудило меня рассказать о том, что я видел во время бомбардировки. С возрастом силы покидают меня, одновременно усиливается желание донести все пережитое мной до нашей молодежи и будущих поколений. Нынешняя молодежь может не беспокоиться, что ее отправят на войну, и может свободно заниматься тем, чем захочет. Надо, чтобы молодежь хоть немного поняла, что 64 года назад реально произошло то, что сейчас трудно себе представить. Надо сказать ей то, что думали люди, которые потеряли свои жизни, чтобы молодежь поняла к чему стремились люди, жившие одним поколением раньше.

Кроме того, это надо, чтобы никогда не повторилось то, что мне пришлось испытать. Я могу пожелать молодому поколению активнее участвовать в движении за мир во имя ликвидации ядерного оружия. Сама мысль о том, что кто-то может испытать нечто похожее, должна вызывать боль и страх. Я хочу, чтобы еще при моей жизни мир стал свободным от ядерного оружия.

Незаживающие раны войны

Кёко Фудзиэ

● **Жизнь до бомбардировки**

В то время я училась в 4-м классе государственной школы в районе Удзина. Моему отцу в то время был 41 год. Он был приписан к командованию морскими частями сухопутных войск и практически отсутствовал весь год, находясь на судах, занятых перевозкой войск за пределами страны. Он бывал дома в Удзина-мати (современной Минами-ку, Хиросима) примерно раз в полгода. Матери тогда был 31 год, и она работала акушеркой. В городе находиться было опасно, но тут были пациенты, поэтому она не смогла уехать в деревню. В доме также жила младшая сестренка, которой исполнилось полтора года, и бабушка по отцовской линии, которой исполнилось 80 лет. Кроме того, мой дядя, который работал управляющим на судостроительной верфи в Корее, очень хотел, чтобы его сын учился в Японии, поэтому в нашем доме жил еще мой двоюродный брат.

● **Воспоминания детей, привезенных в деревню во время войны**

С апреля 1945 г. ученики 3-6 классов школы «Удзина кокумин гакко» были перевезены для безопасности в деревню. Они были расселены по северной части префектуры Хиросима в Миёси-тё, Сакуги-сон и Фуно-сон (современный город Миёси). Я оказалась в Миёси-тё в храме Дзёдзюндзи.

Я жила при буддийском храме, где кормили почти исключительно соевыми бобами. То, что называлось рисовым гарниром, тоже состояло почти полностью из соевых бобов, к которым было добавлено немного риса. На полдник давали тоже соевые бобы. Однажды произошло чрезвычайное происшествие, когда у сына настоятеля из ящичка для еды пропали рисовые колобки (онигири). Так нас, детей, привезенных в деревню, всех собрали в главном зале храма и долго заставляли признаться: «Кто это сделал? Кто взял, признайся сам!»

Недалеко от буддийского храма располагался мост Томоэ-баси, рядом с которым был построен синтоистский храм. Там была огромная вишня, на которой как раз поспели плоды. Старшеклассники забирались на дерево, собирали спелые вишни и ели их. Однажды они позвали меня, не сказав для чего, а сами поставили меня внизу на стреме. Как раз в это время пришел какой-то мужчина и с криком схватил меня. Потом поднял голову вверх и сказал тем, кто сидел на дереве: «Ну-ка! Все слезайте-ка!» Все слезли с дерева. Потом он, держа меня

плачущую за руку, спросил: «Ты чей ребенок?» Я ответила: «Я из храма Дзёдзюндзи!» «Хорошо!» - сказал он и отпустил мою руку. Затем этот мужчина стал говорить: «Тут под деревом растет лук и другие овощи. Если вы потопчете их, то потом нельзя будет есть. Так делать нельзя ни в коем случае. А теперь прекрати плакать!» А вечером того же дня он принес нам вареный сладкий картофель и другую еду. Я его сильно испугалась, а он оказался очень добрым человеком. Он пожалел нас, ведь он понял, что мы от голода стали рвать плоды вишни.

Нам в деревню родители периодически присылали сладости и другие продукты. Однако они не попадали к нам. Моя мать тоже присылала сладкие бобы в сиропе, но все отбирали наши учителя. Мы слышали от старшеклассников, что всё, по всей видимости, оказывается в желудках наших наставников.

Было много вшей. Это было что-то ужасное. Мы расстилали газету на полу и трясли над ней головой. А напившихся крови черных вшей потом с хрустом давили по одной. Рубахи, которые мы носили, мы сушили, развешивая на солнце с той стороны храма, где росли деревья.

● Шестое августа

Ровно за неделю до бомбардировки отец вернулся домой, и меня срочно отпустили к нему. Мы планировали возвращение в деревню на пятое, но не достали билетов и отложили на шестое число.

Шестого августа мать с сестренкой на спине проводила меня до самой станции Хиросима. Старушка, жившая по соседству, поехала навестить внука, отправленного в Миёси, и села на один со мной поезд линии Гэйби-сэн. Я сидела спиной по направлению к Миёси и поэтому видела три парашюта в небе перед тем, как поезд въехал в тоннель. В этот момент, как только поезд вошел в тоннель, взорвалась бомба.

Удар был очень большой силы. В ушах зазвенело. Я сидела и потому со мной ничего не произошло, а стоявшие люди, даже взрослые, повалились назад. Уши сильно заложило, как будто в них попал камень, и я почти оглохла.

Когда поезд вышел из тоннеля, очень хорошо был виден атомный гриб от взрыва. Ехавшая со мной старушка сказала: «Ничего себе!» Я была еще ребенком и не могла себе представить, что с Хиросимой.

Когда приехали в Миёси, старушка сообщила, что по радио сказали, что Хиросима полностью разрушена. Однако, я еще не понимала, какая в городе ситуация, и в полдень отправилась в школу для сбора травы. В это время в школу въехал первый грузовик с ранеными из Хиросимы. С грузовика слезали люди, получившие ужасные ожоги. Я с удивлением смотрела на людей, у которых обгорело лицо, на щеках висели клочья кожи, которые они поддерживали руками. Женщина, у которой груди точно отрезало. Еле-еле идущий человек, опирающийся на тренировочный бамбуковый меч, перевернутый рукояткой вниз. Все это я не могу забыть и сейчас. Хотя это вызывало не столько страх, сколько удивление.

● **Семья во время бомбардировки**

Примерно через три дня после бомбардировки, в храм пришла первая весточка от семьи из Хиросимы. После этого числа 12-13-го я вместе с шестиклассником по имени Нобу, который жил недалеко от меня, вернулась на поезде в Хиросиму. На станцию меня пришел встретить отец. Вместе с отцом мы пошли вдоль горы Хидзияма к дому. В это время я услышала от отца, что произошло с семьей, и что «теперь здесь лет 70 даже трава не будет расти!»

Вернувшись домой, я увидела, что мать вся обмотана простыней. Все тело было в ожогах, которые продолжали сочиться, поэтому ее заворачивали в простынь. У младшей сестренки обгорело все лицо и было практически черного цвета, как будто обуглилось. На руках и ногах тоже были ожоги, поэтому она тоже была завернута в простынь. Сестренка была еще очень маленькой, и, глядя на маму, ей становилось страшно, поэтому она постоянно плакала.

Мне сказали, что в момент взрыва мама с сестренкой ждали трамвая на остановке у моста Энко-баси. Примерно за час до этого, когда прозвучал сигнал воздушной тревоги, мама отдала свой платок, который одевали во время бомбежки, жившей по соседству старушке, которая забыла свой дома. Поэтому мама так сильно пострадала под воздействием излучения во время взрыва. Сестренка находилась на спине у матери, и у нее тоже сильно обгорело лицо, правая рука и правая нога. Мать взяла сестренку на руки и бросилась спасаться, временами по дороге промывая ее рану водой из резервуаров на случай пожара. В конце концов она добралась до восточного плаца, где был устроен временный

лагерь для пострадавших и который находился с противоположной стороны от станции Хиросима.

Бабушка в момент бомбардировки находилась дома. Дом не сгорел, но само здание частично разрушилось.

Отец и двоюродный брат в поисках матери и сестренки почти два дня ходили по всему городу. Когда они нашли их, маму было просто не узнать, так как все тело вспухло от ожогов. Невозможно было даже понять, кто это - мужчина или женщина. Шестого августа мать вышла из дома, одев на себя одежду, которая была сделана из того, что отец присылал с места службы. Поэтому потом мать из остатков одежды сделала знак, который одела на руку сестренке. Когда отец и двоюродный брат пришли сюда в поисках, сестренка увидела брата и стала звать: «А-чан!» Затем они увидели на руке этот знак и поняли, что это они. Мать стала говорить: «Со мной все кончено. Забирайте ребенка и возвращайтесь домой!» Но отец погрузил обеих на большую тележку и привез домой.

● **Смерть матери**

15 августа мать умерла. Отец соорудил из старых досок простенький гроб без крышки и предал тело огню за домом на пустыре. Там все сжигали тела, а весь запах шел в наш дом, и в нем нестерпимо пахло.

Последние слова матери были обращены к свекрови. Она сказала: «Я хочу съесть кусочек больших клубней батата!» Во время войны продуктов не хватало и мы ходили в деревню, чтобы выменивать продукты на одежду и другие вещи. Мать обычно из полученных продуктов ела мелкие клубни. У них очень сильный привкус, поэтому даже сейчас я не могу их есть.

Отдавая дань памяти моей матери, я каждый год прихожу, чтобы отправить свой фонарик по течению реки. Обязательно варю большой клубень батата и кладу его кусочек. И всегда, когда я вижу где-то большой клубень, я думаю, что хорошо бы дать кусочек от него матери.

● **Жизнь в городе после войны**

Берег реки около государственной школы Удзина на значительном протяжении использовался как место кремации умерших. Тела обкладывали цинковыми листами и потом сжигали. В листах оставляли отверстие там, где располагалась

голова. Дети шли купаться в море мимо места, где сжигали умерших. Мы проходили и думали: «Так! Сейчас голова горит!» и шли по несгоревшим остаткам костей. Это место прекратили использовать для кремирования только тогда, когда я пошла в шестой класс.

После войны жизнь была действительно беспросветной и трудной. Не только для нашей семьи, но и для всех.

● Жизнь младшей сестры после войны

Младшей сестре, которая была во время взрыва вместе с матерью, удалось поправиться. Мне говорили, что это просто чудо, что смог поправиться такой маленький ребенок. Поэтому сестренка росла постоянно слыша от окружающих: «Хорошо, что ты поправилась! Хорошо, что ты осталась живой!» Однако на ноге у сестренки образовались келоиды, и нога изменила свою форму. Поэтому сестра не носила туфли и постоянно ходила в гэта. В те времена многие одевали гэта. Поэтому в повседневной жизни она не имела трудностей, но если надо было идти на пешую прогулку или участвовать в школьном спортивном празднике, куда не оденешь гэта, для нее возникали проблемы. Она тогда была вынуждена одевать две пары рабочих носок и на них обувь.

По причине проблем с ногами сестренка стала объектом злых насмешек. В те времена ходили слухи, что болезни, связанные с бомбардировкой, передаются по наследству. Были дети, которые указывали на нее пальцем и говорили: «У нее гниют пальцы!» или «Если будешь подходить, чтобы посмотреть вблизи, то сам заразишься!» Спустя несколько лет после бомбардировки сестренка стала учиться в начальной школе, на нее стали смотреть как на экспонат, и были даже люди, которые приходили специально посмотреть на нее, как на экскурсию.

Однако она не жаловалась мне или бабушке на то, что есть люди, которые так относятся к ней. Она не говорила о своих переживаниях, а только спрашивала: «Бабушка! Ведь это правда хорошо, что я осталась жива?» Ей с детства говорили эту фразу, поэтому она для себя решила: «Хорошо, что я осталась жить! Поэтому также хорошо, что я осталась жить, несмотря на такие ожоги!» Недавно я читала ее дневники. В них написано: «В то время я думала, что лучше бы мне умереть!» Поэтому я снова со всей силой ощутила, как ей было тяжело тогда. Ей сказали, что операцию на ноге нельзя проводить, пока не исполнится 15 лет, поэтому уже в старших классах школы она летом легла на операцию, которую

давно хотела сделать. Она всегда с надеждой говорила, что, когда пойдет в школе в старшие классы, то сможет не стесняясь снимать обувь. Однако в результате нога не стала такой, что можно было безболезненно снимать обувь. Чтобы исправить форму ноги, ей пересадили кожу с живота и ягодиц, но она тоже изменила цвет и почернела, а мизинец на ноге стал торчать в сторону, потому что между ним и другими пальцами образовалось расстояние в 3 сантиметра. Сестренка перед операцией говорила: «Теперь я смогу нормально надевать спортивную обувь!» Однако даже теперь, через 65 лет, она не может носить обувь как обычные люди.

Обувь до боли натирала мизинец, поэтому в спортивной обуви делали отверстие для пальца, но это в свою очередь приводила к тому, что палец натирало о стенки отверстия и образовывалась ранка. Поэтому практически не было такого дня, когда у нее на ноге не появлялась кровь. Она боялась, что увидят кровь и опять будут ее дразнить, поэтому старательно замазывала ее зубным порошком.

Когда сестра лежала в госпитале для пострадавших от атомной бомбардировки, она познакомилась с доктором Харада Томин, который сказал ей: «Если тебе нужен будет совет, то не стесняйся и спрашивай!» Поэтому перед окончанием школы она попросила у него совета, и он познакомил ее с японским проповедником, который жил в Лос-Анджелесе. В те времена, а отец умер еще перед ее поступлением в старшие классы школы, в семье не было лишних денег. Поэтому сестренка также попросила ее устроить на временную работу и стала старательно работать, к 20 годам скопив деньги на билет до Лос-Анджелеса, после чего она отправилась в Америку.

Она начала помогать проповеднику, одновременно зарабатывая себе на жизнь работой в прачечной. Думаю, у нее в жизни было много трудностей, но она и сейчас работает в Лос-Анджелесе. Она сама думала, что не сможет выйти замуж, однако там она встретила японца, который предложил ей стать его женой, и у них родилось трое детей.

● **Случай в Осака**

Примерно через неделю после того, как сестренке была сделана операция, я поехала в гости к своей подруге, жившей в городе Осака. Сестренка сказала мне: «Состояние здоровья у меня стабильное. Можешь ехать спокойно, сестра!»

Скорый поезд пришел вечером, а я не знала, где дом моей подруги, и пошла спросить в ближайший полицейский участок. Там был молодой полицейский, который оказался очень любезным и около часа вместе со мной искал нужный дом. Когда мы его нашли, я сказала: «Большое спасибо! Вы мне очень помогли!» В ответ полицейский спросил меня: «Откуда вы приехали?» Я ответила: «Из Хиросимы.» В этот момент он даже попятился и отступил на шаг назад, сказав удивленно: «Из той самой Хиросимы?» Я ответила: «Да!». На что он сказал: «У меня портится настроение при встрече с девушками из Хиросимы! Девушки из Хиросимы, которые попали под бомбардировку...!» И у него было такое выражение лица, как будто я заразная! До этого момента я не думала о том, что я тоже пострадала от бомбардировки, поэтому эта его реакция вызвала у меня сильный шок.

Я не стала говорить сестренке об этом случае. Я рассказала подруге из Осаки, и та посоветовала мне: «Твоя сестра, если услышит об этом, обязательно расстроится, поэтому ни в коем случае не говори ей!» А для себя я после этого решила никогда не говорить, что я приехала из Хиросимы.

● **Случай в магазине европейской одежды**

Более десяти лет назад я занималась обслуживанием посетителей в магазине европейской одежды. Вдруг ко мне подошел человек, которого я не знала и вообще впервые видела. Он назвал имя моей сестры и спросил: «Вы не сестра ее?» Я ответила: «Да.» и спросила: «Откуда вы знаете?» Он сказал, что живет в районе Фуруэ, но слышал о ней. Вот даже куда дошли слухи о моей сестре.

Учитывая этот случай и то, что было в Осаке, а также другие похожие ситуации, я дала согласие на отъезд сестры в Америку. Я думала, что так будет лучше для нее, если она хочет уехать подальше от Японии, где тебя дразнят и провожают косыми взглядами. Лучше уехать туда, где тебя не знает совершенно никто.

● **Размышления о мире**

Думаю, настоящую боль тех, кто попал под бомбардировку, может понять только тот, кто в реальной действительности сталкивался со схожей ситуацией. Даже когда порежешь палец, чувствуешь боль, если порежешь свой собственный палец. Если кто-то другой порежет, то не понимаешь, что он чувствует.

Поэтому я считаю, что описывать боль тех, кто испытал бомбардировку, это очень трудная задача.

Война ранит в самое сердце. Остаются не только внешние рубцы, остаются сами раны, и потом по прошествии десятков лет они продолжают давать о себе знать. Моя сестра крайне не любит рассказывать о войне и о бомбардировке. Если заходит разговор об этом, она мгновенно исчезает. перебравшись в Америку, она всегда носит плотные чулки и прячет под ними свои рубцы. Она также избегает любых разговоров о бомбардировке.

Война – это недопустимое зло.

Я видела ад на земле

Кимико Кувабара

● Жизнь до атомной бомбардировки

Мне тогда было 17 лет. Мы жили втроем с матерью и старшей сестрой в квартале Мисаса Хоммати 3-тёмэ (современный Ниси-ку, Хиросима). Отец мой умер. У меня также было 3 брата, старший из которых женился и уехал жить в другое место, а два других были призваны в армию и находились в префектуре Ямагути.

В то время я работала в общем отделе Центральной радиовещательной корпорации Хиросимы. Эта фирма располагалась в районе Ками Нагарэкава-тё (современный Нобори-тё, Нака-ку). Большинство домов вокруг были разобраны из военных соображений, и все пространство представляло собой большую открытую площадку. Радиостанция транслировала много передач по заказу армии, поэтому вполне могла стать целью во время воздушного налета и все окна были плотно заделаны. Это мне хорошо запомнилось.

● Шестое августа

Утром этого дня постоянно повторялись сигналы воздушной тревоги, поэтому длительное время я не могла выйти из дома и появилась на работе позднее, чем обычно. Думаю, что было уже около 8 утра, когда я смогла появиться на радио. Как всегда, вместе с другими работниками мы начали заниматься уборкой помещения. Когда я вошла в кабинет директора радиостанции, который приходилось убирать мне, во дворе раздался женский голос: «В небе показался Б-29». Я обратила внимание на эти слова и хотела подойти к окну, но в этот момент за окном все озарилось светом от яркой вспышки. Она была более резкой, чем вспышка спички, когда ей чиркаешь о коробок. Свет был красного цвета. Я бросилась на пол, зажав глаза и уши руками. Тогда нас учили делать так, когда взрывается бомба. В мертвой тишине я ощутила, что как будто оказалась в невесомости. Во всем теле возникло необычное ощущение, как будто его все расцарапали. Хотя не могу сказать, что это было больно. Тем не менее, мне даже подумалось, что сейчас я умру. Тогда я сразу не обратила на это внимание, но превратившееся в мелкую крошку стекло впилося мне в кожу во многих местах на лице и на правой руке. Все тело было в крови. В правой щеке осколки стекла остаются и по сей день.

Некоторое время я была в шоке и лежала неподвижно, потом в коридоре послышались слабые голоса. В кабинете было темно и ничего не было видно. Мне хотелось любым способом выбраться на улицу, я пошла на звук голосов и уперлась в чью-то спину. Я подумала, что лучше бы пойти с ним вместе, и осознала, что я еще жива. Я крепко ухватилась за его ремень на поясе и, наконец, добралась до выхода. У выхода собралось довольно много людей, которые пытались открыть тяжелую дверь. Открыв ее, все выбрались наружу. Было темно, как в сумерках. С неба беспорядочно падали обломки, выброшенные взрывом. У людей, выбравшихся из здания радиостанции, были черные лица, волосы стояли торчком, все были перепачканы кровью. Одежда висела клочьями. Невозможно было узнать человека, не услышав его голос. Мы все думали, что бомба попала прямо в радиостанцию и сильно ее разрушила. Недалеко от радиостанции находилось здание газеты «Тюоку симбун». В нем также размещался наш информационный отдел, через который поступала информация для передач, поэтому вместе с 2 - 3 другими сотрудницами общего отдела мы решили пойти туда и покинули наше здание. Тогда мы впервые поняли, что зона разрушений далеко не ограничивается радиостанцией. Соседние здания все лежали в развалинах, тут и там поднимались языки пламени. Из окна представительства радиостанции на 5-6 этажах здания газеты тоже с огромной силой вырывались языки пламени. Поэтому мы решили идти дальше в парк «Сюккэйэн», располагавшийся неподалеку. Я изо всех сил старалась убежать от обжигающих языков пламени, от криков людей, оказавшихся под завалами, от людей, искавших своих родственников, но это было почти невозможно. В парке «Сюккэйэн» собралось большое количество людей. Мы пересекли озеро на территории парка и вышли на берег реки Кёбаси-гава. Потом в парке одно за другим начали загораться деревья, и языки огня стали достигать берега реки, где находились мы. Наконец, с сильным треском загорелась огромная сосна, находившаяся на самом берегу реки. Мы попрыгали в воду и стали наблюдать за ситуацией, стоя по грудь в воде. В это время начал гореть квартал Осуга-тё, находившийся на противоположном берегу реки. Огонь разлетался во все стороны. Пожар не утихал ни на противоположном берегу, ни с нашей стороны, поэтому наши неоднократные попытки выбраться из реки не имели успеха, и нам постоянно приходилось возвращаться обратно.

Огромное количество людей спасалось на насыпи вдоль реки, поэтому по ее берегам людей было так много, что не было места сесть. Поблизости располагались армейские казармы, поэтому, наверное, здесь было много солдат. У них у всех на голове оставался круглый островок волос, похожий на тарелку, наверное, от головных уборов, а остальное тело полностью обгорело, и они тихо страдали. Была также мать, сжимавшая в руках ребенка, у которой вся верхняя часть тела была в лохмотьях. Мне показалось, что ребенок был уже мертв.

От обгоревших и раненых людей слышались нескончаемые мольбы: «Дайте воды. Принесите попить!!» Хотя были также люди, которые кричали: «Нельзя пить!!» Многие люди больше не могли выносить страданий от многочисленных ран и ожогов, и бросались в реку. Большая часть этих людей не появлялась на поверхности, и они уносились течением. Сверху течение также приносило мертвые тела, и скоро вся река от берега до берега оказалась заполнена ими. Когда мы находились в воде, мимо один за другим проплывали тела, и мы руками направляли их дальше по течению. В этот момент мы были настолько заняты этим, что нам даже не приходила в голову мысль, что это просто ужасно. Я своими глазами видела более жуткие сцены, чем изображаются на картинах ада.

Пожар был сильным и мы не могли двинуться с нашего места, поэтому мы провели день на насыпи на берегу реки около парка «Сюккэйэн». Примерно на закате прибыла лодка, которая занималась поиском сотрудников радиостанции. Нам было предписано отправиться во временный медицинский пункт на плацу с восточной стороны реки, поэтому нас перевезли на песчаный берег на противоположной стороне реки. Я очень беспокоилась о судьбе матери, которая осталась дома одна, поэтому я сказала, что хочу вернуться домой и не пойду во временный медицинский пункт. Однако другие сотрудники стали отговаривать. Они говорили мне: «Прекрати и думать о возвращении в город». Квартал Мисаса-хоммати, где был мой дом, находился в западной части города Хиросима, поэтому, чтобы добраться до него, необходимо было пройти через полыхавшие кварталы. Все были против моих намерений, поэтому я сказала, что пойду со всеми, но воспользовавшись возможностью, отделилась от общей группы. Услышав голоса тех, кто увидел,

что меня нет и начал звать меня, я прокричала в ответ: «Простите!» и одна решила добираться до дома.

● **Путь до дома**

Отделившись от остальных сотрудников радиостанции, я пришла к мосту Токива хаши, который соединяет берега реки Кёбаси-гава. С западной стороны моста из квартала Хакусима один за другим по мосту брели раненые люди. В противоположном направлении не шел никто. В этот момент я встретила с двумя железнодорожниками, которые также хотели перебраться на ту сторону. Они направлялись к станции Ёкогава, и я попросила их: «Возьмите меня с собой». Но они ответили отказом, сказав: «Мы сами не знаем, пойдём или нет, поэтому не можем взять тебя с собой. Лучше иди в госпиталь». Однако я не послушалась и тайком стала идти в 4 - 5 метрах за ними. Когда они останавливались посмотреть на полыхавшее пожарище, я тоже останавливалась, а потом опять их догоняла. Я все время следовала за ними, поэтому в конце они стали знаками указывать мне дорогу и говорить: «Иди там, где мы прошли».

Мы шли, стараясь избежать пожаров, прошли рядом с больницей Тэнсин-бёин и добрались до моста Мисаса-баси. По обе стороны моста плотно сидели раненые солдаты. Буквально ступить было некуда. Все они, наверное, были из состава двух подразделений, расквартированных поблизости. Они стонали, а их лица были полны страданием. Я с трудом перебралась на другую сторону моста, стараясь не наступить на кого-нибудь. Я вышла к железной дороге и пошла по рельсам. Они вывели меня к станции Ёкогава. Здесь я простилась с железнодорожниками. Я помню, на прощание они сказали: «Будь осторожна. Иди домой!»

● **Встреча с мамой**

Оставшись одна, я пошла пешком к дому в Мисаса. На улице было уже темно, по обеим сторонам дороги еще догорали пожарища, и поднимался сильный дым. Мне надо было бежать и выбирать обходные пути. Мой дом фасадом выходил на улицу, на которую можно было выйти, если идти сначала от Ёкогава к Мисаса, а затем выйти на улицу, ведущую на север. Когда я добралась, дом

уже сгорел, но мне удалось найти мать, которая стояла на дороге недалеко. Мы радовались, что обе были живы, я обняла мать, и мы расплакались.

Мама в момент взрыва бомбы сидела на втором этаже перед зеркалом. Комнаты на втором этаже обрушились внутрь, но комната, в которой была мама, была угловой и каким-то образом уцелела. Лестница в доме также обрушилась, поэтому ей помогли спуститься по стремянке.

До обеда дом оставался в разрушенном состоянии, но потом пожар стал постепенно приближаться, и после обеда дом тоже был охвачен огнем. Мама рассказывала, что перед тем, как дом загорелся, решила хотя бы забрать одеяло и выбросила его наружу, но его подобрал кто-то из проходивших людей и забрал себе. Во дворе дома было небольшое укрытие на случай бомбардировки, и там хранились одежда и ценные вещи. Огонь добрался до этого места, и все сгорело. Около дома протекал небольшой ручей. Мама попыталась черпать воду ведром и тушить пожар, но быстро вычерпала всю воду и получила сама сильные ожоги. Соседи советовали ей бежать в сторону Митаки, но она очень беспокоилась обо мне и моей старшей сестре и осталась. Пока горел дом, она перебралась на поле с противоположной стороны дороги и стала ждать возвращения дочерей.

Ночь этого дня мы провели вдвоем под открытым небом в поле. По дороге мимо дома ночью шли люди из города, а навстречу им отряды спасателей. Мы смотрели на них, думая о том, что делать дальше. Ночью мы получили от спасателей рисовые колобки онигири и съели их. Спали или не спали, не помню. Начало светать.

● **Поиски сестры**

Седьмого числа поток людей не прекратился, но сестра, которую звали Эмико, все не возвращалась. Мать очень беспокоилась о ней. Повторяла: «Что с ней, неужели она погибла?» и стала плакать. Я не могла смотреть на мать, поэтому на следующий день, восьмого числа, отправилась на поиски сестры вместе с ее подругой, которая жила недалеко. Здесь я опять увидела ад.

Сестра работала на центральной телефонной станции, располагавшейся в районе Симонакан-тё (современный Фукуро-мати, Нака-ку). Я от станции Ёкогава прошла район Токайти-мати (современный Токайти-мати 1-тёмэ) и пошла вдоль трамвайных путей. Пожарища еще не начали разбирать, поэтому

можно было с трудом пробираться только по широким дорогам, таким как трамвайные пути. Везде лежали мертвые тела, и надо было быть предельно внимательной, чтобы не наступить на них. В районе Тэрамати (современный центральный округ Нака-ку) я увидела мертвую лошадь, которая сильно раздулась и напоминала шар. В районе Токайти также видела стоящего без движения человека, расставившего в стороны руки и обгоревшего до черноты. Я очень удивилась и подошла поближе, но оказалось, что он умер стоя. Тут и там в резервуарах для воды на случай пожара лежало вперемешку по несколько человек, с головой забравшись внутрь. По бокам дороги лежали тела людей, в некоторых из которых еще теплилась жизнь. Умирующие стонали и просили: «Воды! Воды!» Здоровых людей не было ни одного. У всех сгорела одежда, тело вспухло и было покрыто ожогами. Они напоминали черные игрушки. Если бы среди них была сестра, то найти ее было бы невозможно. Обходя мертвые тела, мы пересекли мост Аиои-хаси и прошли в квартал Камия-тё (современный Нака-ку), но далее идти уже не смогли. Мы вернулись в Мисаса. Я подумала, что сестры уже нет в живых.

Однако через неделю после взрыва сестра вернулась. Во время взрыва она была на телефонной станции и была сильно ранена. Она бежала в сторону горы Хидзияма, а затем была вывезена в район Кайтайти-тё в уезде Аки-гун (современный район Кайта-тё) и была помещена во временный госпиталь. Там она провела неделю, когда однажды увидела грузовик, направляющийся в центр города Хиросимы на спасательные работы, и попросила взять её с собой. Сначала ей отказали и сказали, что не берут с собой тяжелораненных. Однако она думала только о возвращении и, улучшив момент, забралась в кузов грузовика. Ее довезли до Токайти. Потом сестра потихоньку дошла от Токайти до дома. Ее одежда была вся в лохмотьях, все тело было в крови, на правой и левой ноге была разная обувь. Если бы ее увидел человек, который не знал, что случилось, то он бы подумал, что она просто не в себе. Наш дом сгорел, поэтому сестре разрешили поспать в доме друзей матери. Она сразу впала в глубокое забытие и некоторое время находилась между жизнью и смертью.

● **Болезнь сестры**

По всей спине у сестры осколки стекла впились в тело. На руке появились сильные уплотнения. Я каждый день иглой выковыривала из спины осколки стекла, но раны продолжали сочиться. В семье, приютившей нас, дочь тоже попала под бомбардировку и погибла. Пребывание в этом доме стало казаться нам неудобным, поэтому мы решили вернуться на пепелище своего дома. Приехал самый старший брат, собрал на развалинах обгоревшие доски и сделал из них небольшой сарайчик, в котором только и можно было спастись от дождя и непогоды. Мы перебрались туда и продолжали выхаживать сестру. Она продолжала все время оставаться в забытии и не могла ходить во временный госпиталь. У кого-то мы раздобыли немного мази, но нормальное лечение обеспечить не могли. У нее выпали все волосы, временами шла горлом кровь, и мы не один раз думали, что все кончено. Мать каждый день ходила в горы и собирала зеленые листья растения хуттуния (*докудами*), которые заваривали прямо так и давали пить вместо зеленого чая. Чай из зеленых листьев хуттунии имел очень неприятный запах, но мать говорила, что это лекарство для удаления яда из тела. Не знаю, может благодаря этому, сестра начала поправляться. Она пролежала, не вставая, три месяца, а потом пошла на поправку и даже смогла вернуться на свою работу. Отсутствие волос скрывали платком и шапочкой. На теле остались следы от ран, поэтому она не могла носить одежду с коротким рукавом. Уплотнения на руках так и остались до сих пор.

● **Жизнь после войны**

Об окончании войны я узнала от других людей. Услышав, что война кончилась, сначала даже толком не осознала этого. С детских времен нас учили, что Япония никогда не будет побеждена. Во время работы на радиостанции все разговоры были только о том, что мы побеждаем. Ни разу не слышала, что мы проигрываем. Однако, услышав, что на Нагасаки была сброшена такая же бомба, стала думать, что если еще будут сбрасываться такие бомбы, то лучше закончить войну.

Радиостанция больше не могла использовать свое здание в Ками Нагарэкава-тё и переехала на территорию завода «Тоё когё» в районе Футю-тё в уезде Аки-гун. Я должна была ухаживать за сестрой, а завод «Тоё когё» находился далеко, и

туда надо было добираться на поезде. К тому же начали прибывать новые войска, и поползли слухи, что кого-то изнасиловали, поэтому я оставила работу на радиостанции. Потом я проработала около года на расположенной недалеко фирме. Потом еще на одной фирме, куда порекомендовал устроиться один уважаемый человек. Затем вышла замуж.

Шестого и восьмого августа я ходила пешком по городу Хиросима, но не заболела серьезно. Мне говорят, что болезнь обязательно проявит себя, но я сама никогда не говорю, что я боюсь заболеть. Если я заболела, то тогда и буду думать о болезни, а сейчас я скорее больше думаю о том, что делать дальше.

● **Размышления о мире**

Прежде я не очень хотела говорить о бомбардировке. Я каждый год хожу поклониться к памятникам жертвам бомбардировки, но ни разу не ходила в парк «Сюккэйэн», где я спасалась шестого августа. Сейчас «Сюккэйэн» превратился в прекрасный японский сад, но я не хочу туда идти, так как боюсь, что начну вспоминать события того дня, увидев круглый мост через озеро. Если я начинаю вспоминать, то у меня накатываются слезы и слова застревают в горле.

Многие из тех, кто попал под бомбардировку, уже умерли. Осталось мало тех, кто может рассказать о ней. Мне тоже уже много лет. Но и по сей день я ясно вижу тот ад, который пришлось пережить, и, рассказывая молодым людям свои воспоминания, мне хочется, чтобы они крепко-накрепко запомнили, что нельзя допустить повторного использования атомного оружия. Мой внук, который учится в начальной школе, стал проявлять интерес к истории войны и мира и пришел ко мне с вопросом: «Бабушка, а это правда, что ты попала под бомбардировку?» Я сказала ему, что хочу, чтобы настало время, когда ни у кого не будет таких жутких воспоминаний.

Заглавие	Фонд поддержки публикации «Мемуары очевидцев атомного взрыва»
Выпуск	Второе издание
Подписано в печать	31. 3. 2013 года
Редакция	Фондовое юридическое лицо: Хиросимский центр Мира и Культуры
Издательство	Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Токио, Тиёда — ку, Касумигасэки 1 — 2 — 2 03 (5253) 1111
